

Особое чувство собственного ирландства

Автор:

[Пат Инголдзби](#)

Особое чувство собственного ирландства

Пат Инголдзби

«Особое чувство собственного ирландства» – сборник лиричных и остроумных эссе о Дублине и горожанах вообще, национальном ирландском характере и человеческих нравах в принципе, о споре традиций и нового. Его автор Пат Инголдзби – великий дублинский романтик XX века, поэт, драматург, а в прошлом – еще и звезда ирландского телевидения, любимец детей. Эта ироничная и пронизанная ностальгией книга доставит вам истинное удовольствие.

Пат Инголдзби

Особое чувство собственного ирландства

Pat Ingoldsby

The Peculiar Sensation of Being Irish

Copyright © Pat Ingoldsby, 1995

© Шаши Мартынова, перевод, 2020

© Livebook Publishing, оформление, 2020

А что, так можно было?

пара слов от переводчика

Феерия под названием «Пат Инголдзби» возникла в моей жизни, как любая настоящая феерия – внезапно и случайно. Я постоянно ищу что угодно, к чему применимы категории «ирландское», «остроумное» и «сумасшедшее». Поскольку то, что можно выловить по этим категориям в океане-всего-ирландского у всех на виду, я уже выловила, приходится время от времени забрасывать невод в Гугл и надеяться либо на рождение новой остроумной и сумасшедшей ирландской звезды, либо на то, что в цифровые волны упадет чьими-нибудь стараниями что-то давнее, доселе аналоговое. И – о удача! – несколько лет назад Гугл притащил мне печальное чудо – стихотворение о девочке Рите, что была не как все («For Rita with Love», 1988). Автором значился некто Пат Инголдзби, дублинец 1942 года рождения. О нем сеть знала всякое разное, хотя, очевидно, далеко не всё, и, как это бывает с людьми из аналоговой эпохи – а Пат безусловно оттуда, из доцифрового XX века, – даже если они блистали на телевидении, интернет-архивы довольно скупы и невыразительны, многое утрачено. А поскольку наш герой в 1990-е еще и решительно выпал из светского общения и лучей любых софитов, он почти так же анонимен, как удалось бы любому из нас, не ринься мы все с такой прытью в пространство полной зримости – в Интернет. Когда я только-только наткнулась на Пата, в сети его текстов болталось раз-два и обчелся, но и по ним мне было ясно, что Инголдзби я хочу читать всего, а когда мне удалось разжиться его книгами, не издать его по-русски означало бы обделить уйму прекрасных собратьев-романтиков этим сокровищем.

Вот что нам известно о Пате Инголдзби. Это ирландский поэт, драматург, сценарист и – в прошлом – телевизионщик, родился в Малахайде – северном предместье Дублина. В 1980-е вел разнообразные детские программы «Шляпа Пата», «Треп Пата» и «Ребята Пата» на Эр-тэ-э[1 – «Радио и телевидение Ирландии» (ирл. Raidio Teilifís Éireann, RTE, осн. 1960) – общественная телерадиокомпания Республики Ирландия.](«Pat’s Hat», «Pat’s Chat», «Pat’s Pals»), писал пьесы для театра и радиопостановки, сочинял малую прозу. Последние лет двадцать пять Пат живет совсем уж бескомпромиссно: помимо глубоко созерцательных отношений с бытием, он занят исключительно тем, что

пишет стихи, публикует свои поэтические сборники и вплоть до сравнительно недавнего времени продавал их на улицах Дублина – обыкновенно на Уэстморленд-стрит или на Колледж-грин – или на причале в Хоуте. Самиздатская инициатива Пата называется «Уиллоу Пабликейшнз» – в честь Вербы (Willow), одного из многочисленных котов Пата. Верба, к сожалению, давно умер.

Пьесы Пата играли на сценах дублинских театров «Гэйети», «Пикок» и центра «Проект искусства». За билетами на пьесы «Собственная персона» («Hissself», Peacock Theatre, 1978) и «Саймон-рифмач» («Rhymin' Simon», Peacock Theatre, 1978) очереди тянулись по прилегающим улицам. Добыть тексты его пьес можно, думаю, только в архивах театров, где их показывали: сам Пат отказывается ими делиться – говорит, что это все уже вода под мостом.

Стихотворных сборников у Пата больше двадцати. Ими можно разжиться, купив их либо у самого Пата в Дублине, либо в одной из немногих книжных лавок, куда Пат лично отдавал свои книги на продажу. Ну, или вылавливать уже читанные экземпляры у онлайн-букинистов. Все мои достались мне именно так – и все с дарственными надписями самого Пата разным людям, явно купившим книги у автора на улице. Надеюсь, у этих читателей все хорошо и книги Пата они продали, чтобы их смогло прочесть больше народу, а не потому что прижала нужда. Сама я ни с одним добытым экземпляром книг Инголдзби не расстанусь ни за какие деньги.

Выяснилось и то, что в начале 90-х Пат вел колонку в дублинской газете «Ивнинг Пресс»; тексты, сочиненные для этой колонки, и составляют сборник «Особое чувство собственного ирландства». Газета просуществовала с 1954-го по 1995 год в составе издательской группы «Айриш Пресс», основанной Эймоном де Валерой, тогдашним премьер-министром и революционным героем Ирландии. «Ивнинг Пресс» исповедовала республиканско-националистические взгляды и стала самой популярной вечерней газетой столицы, затмив старинную и заслуженную «Ивнинг Мейл» (1823–1962). Она продавалась заметно лучше даже «Ивнинг Хералд», основанной в 1891 году (впрочем, эта газета пережила «Ивнинг Пресс»). Все приведенные сведения имеет смысл держать в голове, пока вы будете жить с этим сборником, обожать его, хохотать и грустить с ним – и неумолимо делаться ирландцем, а точнее – дублинцем, хотя бы на время.

Итак, представьте себе небольшой большой город – Дублин, одну из культурных столиц Европы и всего мира, удержите в воображении громадину его истории и истории всего острова, эту старейшую в Европе – если брать севернее Альп –

традицию языка и поэзии, наложите поверх яростную линзу XX века в молодой Ирландской республике, наконец-то независимой и вместе с тем вымотанной и уставшей, а потому замкнутой на себя, считай, до 1970-х. Добавьте всемирный Вудсток и несбывшиеся надежды хиппи. Добавьте море музыки – и рок-н-ролл, и не только. В фокальной точке всех этих разноцветных призм возникнет Пат Инголдзби – сумасшедший лирик и романтик, инкарнация Уильяма Блейка, Джеймса Стивенса, Флэнна О’Брайена и всех «Даблинерз» разом, а также ожившее воплощение Уолта Уитмена, Дэвида Хенри Торо и Ричарда Бротигана. В Дублине Пата Инголдзби можно водить школьные экскурсии – а можно и отправиться в романтическое путешествие, хоть вдвоем, хоть в одиночку. И еще с текстами Пата из этого сборника можно странствовать по европейскому XX веку – и вспоминать, чем он был уютен, прост, человечен и, по нашим теперешним понятиям, обворожительно медлен и не оцифрован.

В стихах у Пата все это, конечно же, есть, и все они – тоже лирический комментарий к дублинской жизни, репортаж с тротуара, но жанр газетной статьи, фельетона в исполнении поэта – штука совсем особенная. Поэтому публикацией такого сборника на русском языке можно, вероятно, догнать сразу всех зайцев и представить Пата, его Дублин и Ирландию красноречивее всего. Заметим: ни один заяц не был и не будет убит в связи с творчеством Пата Инголдзби, поскольку человека более влюбленного во все живое еще поискать надо. А помимо гуманизма, уюта, красоты и доброты Пат Инголдзби щедро и напрямик дарит нам нечто невероятно важное и опасное: вновь и вновь предлагает взглянуть на наш бешеный образ жизни как на недоразумение, вновь и вновь доказывает нам, что благополучие – оно внутри, оно проще и доступнее, чем мы вбили себе в голову. Едва ли не всей своей жизнью Пат Инголдзби подтверждает: можно и нужно отыскать настоящее главное для себя и держаться его, идти только за ним и грезить только о таком настоящем. В сборнике «Я думал, вы померли давным-давно» («I Thought You Died Years Ago», 2009) Пат говорит: «Странствую в этом мире с тележкой своих книг / и с картонной коробкой, набитой мечтами [...] / Нет у меня ничего ценней того, / что терять мне нечего». Эта невероятная свобода, доказанная всей жизнью поэта, – возможно, главный дар сверхразумного Пата Инголдзби нам, действительным сумасшедшим. Да, так можно. Только так, вообще-то, и имеет смысл.

Шаши МАРТЫНОВА

Рори Галлахеру[2 - Уильям Рори Галлахер (1948–1995) – ирландский блюз-роковый музыкант-мультиинструменталист, автор песен, продюсер.]

«Одинокому воину»

Спасибо за музыку.

Первые два очерка вообще без всяких там хиханек

Правительство отвечает за эту страну. Потому я и адресую это письмо Правительству. Дорогое Правительство, сегодня хлестало дождем. И к тому же было очень холодно. Я видел на тротуаре по крайней мере троих детей этого народа. Они просили милостыню. Я прохожу через центр Дублина дважды-трижды в день. И всегда на земле сидят малолетние дети с протянутой рукой. У этих детей отняли детство. У них те же права человека, что и у любого ребенка в этих краях. Однако дети вынуждены сидеть на улице в лютую стужу и выпрашивать у прохожих мелочь. Это прискорбно неправильно. Прошу вас действовать незамедлительно. Прошу вас не сходя с места положить этому конец. Сделайте что-нибудь сейчас же. Мы всё твердим, какой это ужасный позор, твердим, что такого нельзя допускать. Но дни идут, а дети всё там же. Я заметил, что у одной девочки на О'Коннелл-стрит[3 - О'Коннелл-стрит (ирл. Sraid U? Chonail) – главная улица Дублина. Дэниэл О'Коннелл (1775–1847) – ирландский политический деятель, активный сторонник права католиков быть избранными в Вестминстерский парламент (такого права они не имели почти сто лет), а также отмены Акта об объединении Великобритании и Ирландии 1800 г.]скверный кашель. Она плакала. Если бы мне пришлось стоять на таком пронизывающем холоде и под дождем, я б тоже заплакал. Обдумайте, прошу вас, возможность назначить министра по правам детей. С детьми в Ирландии творят что-то страшное. Некоторые дети боятся ходить в школу. Просыпаются по утрам с тошным страхом под ложечкой. Я знаю, что министр образования[4 - Речь о Нив Шиле Врянах (р. 1945), члене ирландской партии лейбористов, главе ирландского Министерства образования в 1993-1994-м и 1994–1997 гг.]делает все от нее зависящее, чтобы разобраться с травлей в школах. Но у министра много других забот. Не знаю точно, какой именно министр занимается кошмаром полового насилия над детьми. Но, думаю, пришло время назначить специального министра и возложить на него полную ответственность за всех наших детей.

Такого министра, какой приглядит за тем, чтобы никому среди нашей молодежи не отказывали в бесценном даре детства, исполненного радости и чудес.

За несчастных детей, вынужденных побираться на наших улицах, некому замолвить слово. Одному Богу известно, каково им. Что им ни скажи, они обычно отвечают просьбой дать им немножко денег – вот до чего привыкли попрошайничать. Вы в ответе за эту страну. Наши дети – очень особые граждане. Они заслуживают лучшего, чем жизнь на подаяние. Прошу вас, вынесите эту важнейшую тему на обсуждение в Дойль[5 - Дойль Эренн (Dail Eireann) – нижняя палата Парламента Ирландии.]. Прошу вас положить конец этой позорной эксплуатации наших самых уязвимых граждан.

Прошу вас, беритесь за дело немедленно.

Это ваш долг перед детьми нашей страны.

Холодна и жестка мостовая

20:25. Молодая женщина сидела на тротуаре у стены в Темпл-Баре[6 - Темпл-Бар (ирл. Barra an Teampaill) – район в центре Дублина на южном берегу реки Лиффи, место скопления историко-культурных достопримечательностей города.], просила помочь ей хоть немного. Рассказала мне, что недели две назад побиралась на мосту О’Коннелл[7 - Мост О’Коннелла (изначально мост Карлайла, с 1794) – проезжий мост через реку Лиффи, построен по проекту Джеймза Гэндона (1742–1823), спроектировавшего для Ирландии множество знаменитых сооружений.]. Было семь часов вечера. Молодой прилично одетый парень влез рядом с ней на парапет и уселся там. А затем сознательно опрокинулся спиной в реку. Она пыталась найти подмогу. Пробовала остановить поток прохожих, но все без толку, потому что она пэйви[8 - Ирландские странники, скитальцы (ирл. lucht si?lta, самоназвание «пэйви») – малая этническая группа в Ирландии; странники ведут в основном кочевой образ жизни – со Средневековья и до наших дней.]. Просто шли себе дальше. В конце концов она добилась от кого-то, чтобы ее выслушали, послали за «скорой» и выловили юношу из реки. Она не сказала, остался он жив или погиб. Возможно, не знала.

21:05. У входа в магазин на Графтон-стрит[9 - Графтон-стрит (ирл. Sraid Grafton) – улица в центре Дублина, одна из двух главных торговых улиц города (вторая – Хенри-стрит).] сидела старуха. Лицо в синяках. Попросила у меня сигарету, я отдал ей всю пачку. Старуха сунула руку под пальто, вытащила оттуда радиоприемник и протянула мне. Настаивала, чтобы я его взял, но неправильно это – уходить с хорошим приемником в обмен на пачку сигарет. Спросил, почему приемник ей не нужен, она ответила, что у нее нет батареек. Я попросил ее подождать, пока схожу в лавку дальше по улице и раздобуду батарейки. По дороге к лавке я разминулся с парочкой пеших патрульных из Гарды[10 - Гарда Шихана (ирл. Garda Siochana, «Стража правопорядка») – ирландская полиция.], направлявшихся к тому же парадному входу. В лавке батареек не оказалось. Когда я вернулся, старухи уже не было.

21:30. Молодой человек сказал, что ему шестнадцать. Смешливый, вразумительный, улыбчивый – и бездомный. Знает все хорошие сквоты. Придумал, как ему жить, чтобы получалось регулярно мыться, чисто одеваться и не вляпываться в неприятности. Когда ему было четырнадцать, он жил в ночлежке для бездомных мальчиков. Затем ночлежку закрыли и всех выселили. Применив смекалку, он пролез обратно, чтобы еще некоторое время пользоваться бесплатным электричеством и отоплением. Сказал, что, когда ему исполнится восемнадцать, он надеется уехать в Америку и посмотреть, как там дело пойдет.

22:00. На Дейм-стрит[11 - Дейм-стрит (ирл. Sraid an Dama) – проспект в центре Дублина, здесь расположены штаб-квартиры нескольких крупных ирландских банков.] меня окликнул мужчина, завернутый в одеяло. Сказал, что хотел бы поделиться со мной мудростью. Он записал ее на листке, вырванном из тетрадки. О том, как часто мы ошибаемся, заранее судя о людях по их внешности. С ним самим люди так поступают всегда – потому что он бродит ночами по улицам, завернувшись в одеяло.

22:30. Сажу в баре «Рампоулз», слушаю блюзы «Парчмен Фарм»[12 - Паб «Рампоулз» находился в Темпл-Баре по адресу Парламент-стрит, 17, более не существует. «Parchman Farm» (1992–2002, с 2018) – дублинская блюзовая группа гитариста Пита Макгована.]. Человек в одеяле – за окном, очень счастливо пляшет под музыку. Его мудрость надежно припрятана под одеялом.

Спасайся кто может от шальных комплиментов

Мне на днях сделали ирландский комплимент. «Услыхал я вчера по радио твой стишок... случайно. Ну, надо отдать тебе должное, ты иногда и впрямь меня забавляешь». До чего прелестно умеем мы так отвесить комплимент, чтобы оставить человека с носом, целиком и полностью. Все тут, в первой же фразе: «Надо отдать тебе должное». Иными словами, я собираюсь сказать вам о вас что-то хорошее, это нелегко, я намерен разбавить сказанное изо всех сил, потому что не желаю, чтоб вы зазнавались – Бог свидетель, у вас и так с этим беда, – но, черт побери, нет-нет, да и блеснете все-таки.

Есть и такие, кто предпочитает ужалить прямо в начале. «Давай начистоту. Когда-то я думал, что у тебя ни единой мысли в голове. Скажу больше: говаривал я, бывало, жене своей, дескать, того парня надо упрятать куда-нибудь от греха подальше». И стоишь такой, ждешь хорошего в дальнейшем. Ждать приходится долго. Когда кто-то объявляет, что сейчас будет начистоту, и выкладывает все, что он успел за свою жизнь подумать, пора спасаться. Вывалют тебе гору. Про все случаи, когда они тебя выключали, про все случаи, когда ты мешал им ужинать, про все случаи, когда они чуть не прошибали ногой телевизор. Когда добираются в конце концов до комплимента, ты по-настоящему его заслужил. «Нет, в смысле, что есть, то есть... Куда деваться. Ты, может, и не лучше прочих, но, опять-таки, и не худший». Это, в общем, все, на что можно рассчитывать.

Выбивать почву из-под знаменитых ног – местная народная забава. «Наткнулся тут на Боно вчера и, божечки, какая жалость, что тебя рядом не было, потому что я ему сказал... слышал бы ты... ох ну и сказанул же я ему будь здоров как». Похоже, наша цель в жизни – резать правду-матку направо и налево. «Видал я на прошлой неделе одного тут... весь из себя на солидной машине, но будьте спокойны. Я ему напомнил о тех временах, когда у него в портках задницы не найти было». Похоже, нам здесь в Ирландии очень важно напоминать людям об их портках без задниц. Пожилая моя тетушка в этом деле затыкала всех за пояс. Всякий раз, как попадалась ей в газете фотография Шона Т. О'Кяллаха, Уахтран-на-хЭрэн[13 - Шон Т. О'Кяллах (Джон Томас О'Келли, 1882–1966) – ирландский политик, участник партии «Фианна Фойл», второй президент Ирландии (ирл. Uachtaran na h-Eireann) с июня 1945-го по июнь 1959 г.], она торжествующе фыркала. «Живала я по соседству с этим человеком – каждый вторник глядела, как он помойный бак свой выставляет». Никто не застрахован. Не поймают за портки – застукают у помойки.

* * *

Сдается мне, очень плохо мы умеем говорить друг другу хорошее. Кажется, нам гораздо проще придавить кого-нибудь, нежели возвысить. Вчера болтал я мило с одним старичком. Мимо шла женщина, глянула на нас обоих и сказала мне: «Ты, я смотрю, сегодня с кем попало водишься». И рассмеялась.

Мы всегда смеемся, когда выступаем с чем-то подобным. Всегда можно прикрыться, сказав: «Ну конечно же я просто пошутил». Похоже, слишком многие наши шутки нацелены на то, чтобы принижать других. Наш народ сделал из уничижительных реплик высокое искусство.

Клал я вчера в супермаркете упаковку замороженных кур к себе в тележку. Мимо шла женщина, которую я раньше ни разу в жизни не видел. Ни на миг не задумываясь, сказала: «Вам это вредно». И пошла дальше. Очень не хотелось бы мне быть на ней женатым.

Я пришел в бассейн первым, плавал на спине и счастливо распевал себе под нос. Второй пришла какая-то женщина, проплыла мимо. И сразу же – мне: «В ванне-то кто хошь петь умеет». По-моему, большая жалость, что мы всю жизнь говорим друг другу подобное.

Мы не научены принимать комплименты. Вчера я сказал одному человеку, до чего прекрасно он выглядит, – и он замер. Подождал. А затем спросил: «И что, всё?» Я кивнул. Вид у него был по-настоящему растерянный. «И ты не собираешься добавить “для своих лет” или что-нибудь такое вот?» Я покачал головой. «Нет, ты чудесно выглядишь и все тут... ну, добавил бы только одно: очень рад тебя видеть». Все равно не смог его убедить. «Кхм... тебе точно ничего от меня не надо?» Наша встреча была бы куда проще, если б я просто поприветствовал его так: «Во, явился – и выглядишь так же жутко, как и прежде». С этим он бы справился без всякого труда.

Мы ежедневно сосредоточиваемся на том, чтобы никто не зазнался. Стоял я недавно в очереди на автобусной остановке, читал утреннюю газету, и тут некто, мой более-менее неплохой знакомый, приветствовал меня словами: «Все еще делаем вид, что умеем читать письменное слово, а, Инголдзби?» Кажется, мы вот так разговариваем друг с другом, потому что недолюбливаем себя. И

потому стараемся, чтоб и другие тоже себя недолюбливали.

Покуда верим в старое присловье «Самохвал – без похвал», нам до простейшего самоуважения топтать и топтать.

Сказал как спросил

Не в восторге я от утверждений, которые на самом деле – замаскированные вопросы. «Что-то вообще не вижу я тебя на телевидении последнее время». Если в лоб, то вроде бы человек говорит мне что-то. Но под поверхностью таятся встроенные вопросы: «Тебя уволили что ли?», «Может, мы чего не знаем?» «И как же ты счита КЭС[14 - Комиссия по электроснабжению (ESB, осн. 1927) – государственная компания электроснабжения Ирландии.]оплачиваешь?»

В прошлом году я переехал. Много кто мне об этом потом сообщил. «Я гляжу, ты переехал, значит». Перевод: «Где ты нынче живешь?» Еще целая куча народу доложила мне, где я теперь не живу: «Ты больше не у моря». Черт побери, я в курсе. «Ты, значит, в другом месте». Перевод: «Тебе пришлось переехать что ли – или как?»

А вот такое получаешь, когда заходишь в какой-нибудь маленький паб в провинции: «Скажу я, вы не из этих мест». Все уже и так это понимают – включая тебя. Милый способ отбить скрытый вопрос – одним прелестнейшим словом: «Верно». Произнесите его тихо и дружелюбно. Следом возникнет великолепная неловкая тишина. Услышите, как часы тикают. Скрытый вопрос только что пошел прахом.

Замерьте протяженность молчания по часам. Мой рекорд – одна минута двадцать семь секунд. Он удался, когда кто-то попытал счастья и подытожил: «Вы, надо полагать, далече ехали». Отбивайте повторно.

«Я думал, ты сказал, что будешь тут в два тридцать». Вот этот заход – истинная красота. Вас на самом деле спрашивают: «Где тебя черти носили?»

Торпедируйте тайный вопрос, откликаясь на сказанное: «Ты совершенно прав, так я и сказал». Растерянная тишина окажется такой громкой, что вам почти

удалось бы записать ее на магнитофон. Люди обожают докладывать вам, чего они не видят. «Что-то не вижу я тебя там последнее время». «Что-то не вижу я твоего брата с женой его в эти дни». «Совсем не вижу этого... как его там... на Мессе». Перевод: «Если тебе что-то известно об этом, рассказывай, хоть я и не спрашивал». «Сто лет, сто зим». Перевод: «Я тебя давным-давно нигде не видел, а потому с тебя полное объяснение». Черта с два вы кому должны. Этот вот вариант можно раскрутить в обратную сторону в считанные секунды: «Вообще-то... это я ТЕБЯ невесть сколько не видел». Добавьте намек на обвинение. Если все получится удачно, ваш собеседник теперь почувствует себя обязанным объясняться. Аккурат все как надо.

Раньше ты так не разговаривал

Забавно у некоторых людей меняются голоса. Знаю по крайней мере двоих, у кого был приятный музыкальный провинциальный выговор. Слушать их было одно удовольствие. А затем они переехали в Дублин. Переезжали постепенно: сперва съемная койка, затем комната в коммуналке, потом квартира. На указателе «Приспосабливаться – туда» они повернули налево, и там-то мы потеряли друг друга из виду. В тот год я на них натыкался. Оба подверглись трансплантации голоса и выговора. Теперь там, где смертные попроще употребляют «а», они говорят «о». Если вас угораздит сломать ногу, вам «ноложот гипс». Отправляясь на север, вы обязаны посетить «Белфост». А еще они предпочитают «и» в тех местах, где мы, не блистающие, говорим «е». В основном мы «не знаем, что принесет весна». Год за годом оно вот так. Замените «е» на «и», и внезапно мы уж «ни зноим, что принисиот висна». Как людям удастся произносить все это с невозмутимым лицом, ума не приложу.

От новостей по радио я время от времени совершенно теряюсь. Недавно диктор сообщил, что некий пациент в больнице только что пережил «тронсплонтацию». Я бросился к словарю и обнаружил, что «трон» – «общественные рыночные весы, применявшиеся еще и как место наказания: на них пробивали ухо гвоздем». «Плонт» не нашел. Может, и к лучшему. Воображаю, что где-то в Дублине есть учебник, в котором собраны всевозможные манерные диалоги, и вы вольны ежедневно упражняться наедине с собой у себя в уборной. Урок первый: «Кстоти, он типерь биз гипса, вирнулся к сибе, но по-прежнему ни зноит, что принисиот висна». Правильный отклик на любую подобную реплику – «И ни гаварити!»

Такой вот язык сбивает новичков с толку. Гольфист, выполняющий удар на грине, применяет клюшку-паттер. Удар при этом называется «патт». Если при этом гольфиста зовут Пат, он у нас теперь «Пот». «У Пота вышел прекрасный потт». Площадка для гольфа у нас расположена либо в Дублине, либо в Белфосте. По-моему, нам всем пора перейти обратно на ирландский.

Летучие мыши и чеснок

Если планируете летний отпуск в Трансильвании, вам необходимо помнить несколько очень важных вещей. Селяне с гор отчетливо знают, о чем толкуют. Прислушайтесь к ним. Если вам советуют и близко не соваться к замку на горе, ради всего святого, делайте как велено.

Если они сбиваются в тесные перепуганные стайки и обвешивают себе спальни чесноком, у них есть на то совершенно уважительная причина. Если разговаривают шепотом и Осеняют Себя Крестом – знают наверняка, к чему все это. Садитесь на первый же автобус и не сходите с него, пока не достигнете мест, чье название не оканчивается на «-вания». Не забредайте в лес. Люди попрекраснее вас захаживали глянуть на первоцветы – и всё, не участвовали уж больше в Лотерее[15 - Имеется в виду розыгрыш государственной Национальной лотереи Ирландии (ирл. An Crannchur Naisi?nta, с 1987).]. Если вдруг вас по какой-нибудь неизбежной причине занесет на лесную лужайку – скажем, ваш вертолет вынужден совершить посадку, – поступите разумно. Влезьте на ближайшее дерево, сделайте крест из двух веточек и не слезайте, пока из местного монастыря не прибудет подмога. Примерно через пять минут во весь опор примчится черная карета и остановится прямо под вашим деревом. Вы эту карету сразу опознаете: при ней не будет никакого кучера. Следом над вами разразится гроза и промочит вас до костей. Как бы ни замерзли вы, каким бы несчастным ни чувствовали себя, В КАРЕТУ НЕ САДИТЕСЬ.

Вам, возможно, в это трудно поверить, но в эту карету без кучера что ни год садятся бесчисленные путешественники и мчат бешеным галопом на гору, а вокруг них гроыхает гроза. Селяне предупреждали их с пеной у рта, но толку нисколечко. Ваша страховка не покрывает укусы в шею и полную потерю крови. Страховой компании не будет никакого дела до того, что вы вдруг оказались перед замком в разгар бури. Напрасно объяснять, что дверь открылась и

иссушенный дворецкий в черном сказал: «Заходите... хозяин ждет вас». Страховые компании сыты по горло людьми, которые забредают в чужие замки, сплошь оплетенные паутиной, и оказываются покусанными в шею. Страховые компании считают, что вам бы головой надо было думать сперва, и я склонен с ними соглашаться. Подумаешь, вас ждет накрытый стол. Это вас не извиняет. Если решили сесть к тарелке супа, а у вас над головой при этом мыши летучие мечутся, – так вам и надо.

Чесночное масло на котлете по-киевски – это очень вкусно, однако речь совсем не об этом.

Черный хлеб и викинги

У меня нет никакого умысла врать туристам. Но я просто вижу, как они читают таблички на старых зданиях, а то, что на этих табличках написано, не очень интересно. Вот я и соображаю, что бы такого рассказать, чтобы добавить неповторимого флера их отпуску.

Американские туристы в Глендалохе[16 - Глендалох (ирл. Gleann Da Loch, долина двух озер) – ледниковая долина в графстве Уиклоу, знаменитая уцелевшим монастырем VI в., основанная св. Кевином; расположена в 36 км от Дублина.]пришли в восторг, когда я рассказал им, как викинги пытались выкрасть у монахов рецепт черного хлеба. Мы стояли рядом и глядели на круглую башню, и я поведал им о святом Кевине, о его послушниках и о том, как они целыми днями пекли хлеб и славили Господа.

«Сидели викинги на своих баркасах близ Айрлендз-Ай[17 - Айрлендз-Ай (ирл. Inis Mac Neasain) – маленький необитаемый остров прямо на север от гавани Хоута под Дублином.], разгадывали кроссворды и зубрили ирландские фразы, и тут до них донесло ветром аппетитный дух свежеиспеченного черного хлеба».

Одна американка пожелала узнать, пекли ли они и содовый хлеб[18 - Популярный, в том числе в Ирландии, бездрожжевой хлеб (ирл. aran soide); обязательные составляющие – мука, сода, пахта (из современных продуктов подойдут кефир, йогурт или нежирная сметана).], и я рассказал ей, что рецепт этого хлеба принадлежал монахам с Аранских островов: «Если ветер дул как

надо, тот дух викинги тоже унюхивали и слали лодку в Голуэй, а остальные же тем временем отправлялись в Глендалох».

Совершенно поразительно, до чего такая вот байка способна набирать обороты, и вот уж все монахи карабкаются с рецептом черного хлеба по лестнице на круглую башню, рецепт написан в точности так же, как «Келлская книга»[19 - Келлская книга (ирл. An Leabhar Cheanannais, ок. 800) – богато иллюстрированная рукописная книга, памятник средневекового ирландского искусства, хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине.], на древнем пергаменте. Тем временем викинги у подножия башни пытаются измыслить способ, как бы сманить монахов вниз.

Один американец по имени Хенри предположил, что монахов взяли измором, но жена глянула на него презрительно. «У тех ребят битком черного хлеба в башне было, Хенри, – полные комнаты небось». «И домашнего масла», – предположила женщина по имени Марта. «И медовухи, – добавила ее сестра, – про медовуху не забудьте».

Стояли мы вместе, глядели на башню, битком набитую монахами и черным хлебом, и ломали голову, как бы их выманить. «Наверное, – сказала Марта, – можно ж было сказать погромче: “Ладно, ребята... поехали-ка мы все на Аранские острова за пресным хлебцем!” Потом притвориться, будто уходят, а на самом-то деле спрятаться в кустах».

Хенри больше по вкусу пришлась психологическая атака. «А что если выстроить другую круглую башню, рядом в этой, всем викингам забраться на нее, втянуть лестницу и засесть там? Вот что сбило бы монахов с толку».

Подумываю переписать еще кое-какие исторические таблички. Большая польза туризму.

Ну и как же зелена долина их?[20 - Отсылка к кинодраме американского режиссера с ирландскими корнями Джона Форда (Джон Мартин Фини, 1894–1973) о буднях валлийских шахтеров «Как зелена была моя долина» («How Green Was My Valley», 1941) по одноименному роману (1939) валлийского писателя Ричарда Луэллина (1906–1983).]

Сперва я решил, что происходит ссора. Поднимаясь по ступенькам в автобус, я услышал, как люди орут. Рад, что не ринулся к водителю со словами: «Тапок в пол и не останавливайся, пока мы не доберемся до участка Гарды на Стор-стрит[21 - Стор-стрит – короткая оживленная улица в центре Дублина, рядом со зданием Таможни.]. Я высуну голову в окно и буду изображать сирену “скорой” голосом, чтоб ты гнал на все красные». Две американские туристки беседовали друг с дружкой воплями. Эдак во всю глотку, я серьезно. Так разговариваешь, когда смерч разносит твой дом в щепки. Интересно, зачем они это. Внезапно ситуация резко ухудшилось. Одна завопила на старика, сидевшего напротив. «Вы ирландец?» – взревела она. Старик оказался очень глухим. «Что, простите?» – сказал он. О боже, только не это, подумал я. Сейчас нам всем достанется. Она поддала в голос еще децибелов сто и повторила попытку. «ВЫ ИРЛАНДЕЦ?!?!» «Я – ДА!!!» – ответил он тем громким голосом, каким говоришь, когда слушаешь плеер. Я сам так же разговариваю, когда у меня слуховой аппарат временно не действует. Исхожу из предпосылки, что всему окружающему миру так же трудно, как и мне. «МНЕ ПРОСТО НРАВИТСЯ ВАША СТРАНА, – огласила туристка. – ЗДЕСЬ ТАК Э-Э... Э-Э...» «МИЛО!!!» – проревела вторая. Старик на мгновение задумался. «БЫЛО Б МИРОВЕЦКИ, ЕСЛИ Б НЕ ПОГОДА!!!»

Было б еще более мировецки, подумал я, если б вы сюда не лезли и не орали бы со всей мочи. Что да, то да: нашей экономике нужны ваши доллары. Но орать-то зачем? Незачем разговаривать так, будто вы стоите на противоположных краях Курры[22 - Курра (ирл. An Currach) – плоская открытая равнина площадью почти 2000 гектаров в Ньюбридже, графство Килдэр.]. «НЕТ! НЕТ! – возразила одна из тех американок. – С ПОГОДОЙ У ВАС ОКЕЙ. ОКЕЙ, ПОТОМУ ЧТО ВСЕ ТАКОЕ ЗЕЛЕНОЕ!» Никак не возьму в толк вот это «все такое зеленое». Каждый год одно и то же.

Люди в клетчатых рубашках и изумрудных картузах млеют, будто гости с другой планеты, в глаза не выдавшие травы, деревьев и изгородей. Мне показывали Америку в кино. Господь всемогущий не обделил их. У них тонны прекрасной зелени. Мел Торме[23 - Мелвин Хауард Торме (1925-1999) – американский музыкант, певец, композитор, актер; одна из наиболее известных его песен – «Горная зелень» («Mountain Greenery», 1956).]брехал этим делом. Послушал я американских туристов в Англии и Шотландии. Там чертовы поля и изгороди на каждом шагу. Но на местных по этому поводу никто не орет. Чего они к нам-то прицепились? По-моему, надо перекрасить эту страну целиком – в синий или в пурпурный.

Отпуск моей мечты

Я совершенно точно знаю, какой хочу себе отпуск. Но на него понадобятся миллиарды фунтов, иначе мне не по карману. Хочу провести месяц в морском круизе на «К. Е.-2»[24 - Судно Ее Величества «Королева Елизавета II» – океанский лайнер, флагман британского пароходства «Кунард Лайн» (1969–2004). В 2008 г. продан в Дубай, переоборудован под плавучую гостиницу.]. Но первым делом желаю посмотреть справку, где отчетливо сказано, что весь корабль вычищен от перьев и пылевых клещей. Сколько бы времени это ни заняло – я все равно сто лет буду копить деньжищи. Далее хочу, чтобы «К. Е.-2» поместили в сухой док и там переоборудовали для полного удобства котов. Желаю взять с собой Вербу, Чернушку и Кыша. У меня отпуска не было девять лет. А у них – вообще никогда, если не считать неделю на передержке у ветеринаров, пока я прошлым июлем лежал в больнице.

Пусть снесут все переборки по всему судну. Сколько-то пилерсов можно оставить, если надо, потому что иначе судно, вероятно, схлопнется.

Следом пусть за дело возьмется бригада ландшафтных садовников и воспроизведет окрестности моего дома. Можно свериться с землемерными картами всех садиков у меня по соседству и превратить «К. Е.-2» по всей длине в безупречную копию. Чернушка, Вербка и Кыш привыкли бродить по садовым стенам и просачиваться сквозь живые изгороди, и без всего этого круиз по Средиземному морю им будет не в радость. Вербка и Кыш – убежденные волокиты. Очень важная часть их верований – оставлять творческие манифесты на деревьях и кустах, поэтому нам бы миллионы единиц этого добра вдоль всей главной палубы.

Не возражаю против других пассажиров на судне, но хочу, чтобы персонал «К. Е.-2» тщательно и заранее всех проверил. В идеале пусть бы платили за свой билет «Вискасом с тунцом». Если они хоть самую малость против блох или аромата Кыша, тогда желательно, чтоб отправились они автопаромом на денек на Холихед[25 - Холихед – валлийский портовый городок на острове Холи-Айленд, важный порт связи между Великобританией и Ирландией.]или куда-нибудь еще в этом роде.

Не составит почти никакого труда разобрать у меня в доме гладильный чулан и пересобрать его на борту. Когда мои коты отчего-нибудь перепуганы, они прячутся там. Однажды я провел два очень изматывающих дня, преодолевая Бискайский залив, и подобной травмы от шторма не пожелаю никому. А потому хотел бы иметь возможность открыть дверь в гладильный чулан и сказать: «Ну что, котики, в ближайшие два дня будет лихо, давайте-ка прячьтесь». А может, и сам к ним примкну.

Собираюсь зайти в какое-нибудь дублинское турагентство и узнать предварительные расценки. Думаю, подамся к Рею Триси[26 - «Рей Триси Тревел» (1970-е - 2009) - туристическое агентство, основанное ирландским футболистом и тренером Реймондом Кристофером Патриком Триси (1946-2015)]. Хотя отвлечется от всей этой суматохи с американской визой.

Не очень-то живенькие видеозаписи отпусков в наши дни

В своих видеозаписях, сделанных в отпуске, людям хочется действия и движения. Вот почему один отпускник держит видеокамеру, а спутник отпускника ходит туда-сюда мимо всякого разного. Если это знаменитый исторический памятник, спутнику полагается остановиться, вскинуть голову и показать вверх. «Так, Марта... Давай ты пройдешь мимо Эйфелевой башни... не торопясь только... примерно с той же скоростью, с какой мимо Букингемского дворца». Марта знает толк в неторопливости. Не начинает идти, пока Вернон не крикнет: «Пошла, Марта, пошла!» Тем временем он ловит в видеоискатель верхушку башни. Вернон понимает, что съемкам Марты, идущей мимо знаменитых исторических памятников, не хватает драматизма. Вот зачем сперва ведет камеру с самого верха до низа. Он знает: это создает невероятное напряжение. Семья будет сживать зимой дома, увлеченно трепеща. «Божечки, интересно, кого же там папа обнаружит у подножья Пизанской башни?»

Марта уже успела прогуляться мимо всех мало-мальски знаменитых исторических памятников от Бостона до Бомбея. По команде: «Так, замерла, посмотрела вверх, показала!» - она выполняет все три действия в правильном порядке. А еще она постояла рядом с ошеломительной всякой всячиной в Лондоне, а также с полицейским, с папскими гвардейцами и с французской жандармерией. Разыскивают они и лошадей в старом городе. «Так, Марта, я уже

отснял ее от хвоста до морды. Пошла! Ага... отлично. Теперь стой, показывай, гладь по голове». А вот в Риме Марта уперлась. «Хоспидя, Вернон, надоело мне ходить мимо того-сего и показывать куда-то. Может, для разнообразия что-нибудь другое придумаем?» Это знаменует точку в их отпускных видеосъемках, когда Марта начинает выходить из разных мест. «Так, Марта, давай ты выйдешь из Ватикана. Просто выходи из вестибюля... ага. Отсчитай обратно от двадцати до одного – я за это время проведу камерой сверху до низу. А затем иди». Во всякую минуту за лето бесчисленные Марты замирают в знаменитых вестибюлях и отсчитывают обратно. Тем временем их мужья наставляют видеокамеру на кровлю. Марта идет к туристическим автобусам, останавливается, заносит ногу на нижнюю ступеньку, поворачивается и машет. Приближается к уличным музыкантам, делает вид, что бросает монетку в гитарный кофр, встает рядом, слушает. Марте не терпится вернуться домой. Целый славный год не придется ей ходить мимо чего бы то ни было знаменитого или показывать на его вершину.

Триллион-то ладно, но что такое мультярд?

Тут один сказал, что понятия не имеет. «Триллион? У меня не спрашивай, Пат. Что такое миллиард, я тебе скажу, будь спокоен... Но триллион... это не ко мне». И для меня это что-то новенькое. Я только-только сжился с миллиардом. Прорва народу сказала мне то же самое. Они и сами только-только начали осваиваться. «Ой, да конечно это будет стоить, может, пару миллиардов или около того... пустяки».

Ведущий теленовостей наскочил на меня с этим на прошлой неделе. Сказал, что Россия хочет взять в долг что-то вроде семи триллионов. У меня даже умозрительной картинке не складывается. Сколько же это чемоданов, набитых деньгами? Или речь о целых комнатах? Сколько это комнат, заполненных до потолка? Миллион больше не канает. Его в Лото можно выиграть хоть завтра, а Тони Каскарино[27 - Тони Каскарино (род. 1962) – английский футболист, выступавший за сборную Ирландии.]вам все равно не по карману. Нет уж, спасибо, миллион не стоит и бумаги-то, на которой напечатан. Уж точно столько и нужно, чтобы соорудить Театру Аббатства[28 - Театр Аббатства (Abbey Theatre, осн. 1904) – национальный ирландский театр в Дублине; среди основателей – поэт Уильям Батлер Йейтс.]новый фасад.

Читал я про одну птицу высокого полета в Америке – он обнищал до последних трех миллионов, и мне, по чести сказать, жалко этого парня. Ловлю себя на мысли: «Боже храни его. Перебивается, как и все мы тут, с хлеба на воду». Читал, что ему пришлось продать свой личный самолет и два-три особняка, и поймал себя за руку, чтоб не послать человеку фунт-другой – дать перекантоваться, пока все опять не наладится.

Знаю, что будет дальше. Начнут потихоньку внедрять триллион. Годика два-три – вы и глазом не моргнете. «Слыхал, тут одна штука в Саудовской Аравии стоит пару триллиончиков или вроде того... плюс-минус миллион. Ну, сам понимаешь... э... еще две пинты и одну маленькую сюда, Джерри».

Буду скучать по миллиону. Я вроде как привык к тому, что компании теряют по семь-восемь их ежегодно. «Желаем сообщить о торговых потерях в восемь миллионов фунтов по нашим зарубежным операциям за прошлый год. Однако наши потери за год до этого составили десять миллионов, и таким образом наш текущий убыток на самом деле представляет чистую прибыль в два миллиона». Если б вы так упражняли арифметику в школе, оказывались бы на принимающем конце учительского ремня.

Моя первая работа в страховании сводилась к тому, чтобы следить за мелкой наличностью. Пять фунтов в зеленой жестяной коробке. Меня чуть не уволили, когда сумма в кассе не сошлась на четыре пенса в минус. Не понимаю, чего я беспокоился. Нынче можно в перерыве на обед потерять пару миллионов. Помяните мое слово: дальше – мультярд.

Разговоры с ридикюлем

Похоже, нынче едва отложишь на секундочку свой ридикюль, как его ищи свищи. Многие женщины рассказывают мне о воровстве в пабах и ресторанах. И я им отвечаю, что пришло самое время для нового революционного орущего ридикюля.

Идея – проще некуда. Ваш ридикюль электронно запрограммирован откликаться и распознавать ваши прикосновения. Даже если вы к нему кончиком пальца притронулись, он прошепчет успокаивающе: «Ни о чем не волнуйся. Я знаю, это

ты». Если же кто угодно другой наложит лапу на вашу сумочку, она вжарит первые аккорды из увертюры «1812 год», а затем завопит на полной громкости: «ЧУ! ЭГЕГЕЙ! ПРОЧЬ РУКИ ВОРОВСКИЕ ОТ МЕНЯ, О ГНУСНЫЙ ЛИХОДЕЙ!» Явно сработает. Никто в своем уме не станет удирать с ридикюлем, орущим: «О БОГИ! МЕНЯ ОГРАБИЛИ! ЗОВИТЕ ЖЕ ИЩЕЕК С БОУ-СТРИТ!»[29 - Bow Street Runners – так называлось первое профессиональное полицейское подразделение Лондона, созданное судьей и писателем Хенри Филдингом в 1749 г.; в подразделении изначально числилось шесть человек.]

Думаю, пришла пора хорошенько присмотреться заодно и к противокражной сигнализации в домах, поскольку никому ни до чего нет никакого дела. Люди идут ночью мимо магазинов и домов и совершенно не обращают внимания на мигающие синие огни и перезвон. Самое время для сигнализации, от которой волосы на загривке дыбом: «НЕ СТОЙ ПРОСТО ТАК, О БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ! Я НЕ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ОРГАНИЗМА РАЗОРЯЮСЬ. ПРЯМО СЕЙЧАС МУЖЧИНЫ В ЧЕРНЫХ МАСКАХ И ПОЛОСАТЫХ СВИТЕРАХ КЛАДУТ ОТБОРНЕЙШЕЕ СЕРЕБРО В МЕШКИ С ПОМЕТКОЙ “ДОБЫЧА”! ЕСЛИ НЕ ПОБЕЖИШЬ ЗВОНИТЬ В ГАРДУ СЕЙ ЖЕ МИГ, Я ТЕБЯ СФОТОГРАФИРУЮ И ОТПРАВЛЮ МАРИОН ФИНУКЕН В ЕЕ ПРОГРАММУ “ПРЕСТУПЛИНИЯ”[30 - Марион Финукен (1950–2020) – ирландская радио- и телеведущая; программу «Crimeline» она вела с 1992-го по 2000 г.], И ПЕНЯЙ ТОГДА НА СЕБЯ!»

Возможно, имеет смысл и обновить сирены у «скорой помощи», раз уж мы взялись за это дело. Министру здравоохранения следовало бы записать резкое сообщение, которое можно орать с крыши реанимобиля: «С ДОРОГИ! Я “СКОРАЯ ПОМОЩЬ”, И У МЕНЯ НА БОРТУ, ВОЗМОЖНО, ВАША ХВОРАЯ БАБУШКА, ТАК ЧТО ПОДВИНЬТЕСЬ ИЛИ Я ПРОБЬЮ ВАМ ПОКРЫШКИ НАШИМИ СМЕРТОНОСНО ПРИЦЕЛЬНЫМИ ДЖЕЙМЗБОНДОВСКИМИ РАКЕТАМИ!» Ракеты будут не всамделишными, но людям про это знать не обязательно.

Я б уж точно порадовался введению скрытных шепчущих молний на ширинке или пуговиц там же. Я не нарочно, однако на прошлой неделе опять целый час или около того разгуливал по центру города совершенно беззащитный посередке. Никто ни словом не обмолвился о том, что у меня на подбородке сыр[31 - «Сыр на подбородке» – дублинский эвфемизм, намек на расстегнутую ширинку.], – ничего подобного. Ей-же ей, раз голос у вас в машине напоминает вам о ремне безопасности, так же просто было б и вашим джинсам или брюкам шепнуть: «Пс-с-ст! Милый странник... продукт молочный на браде твоей!» – ну или что-то в этом духе.

От тигров голодных заторопишься

Мисс Мур была абсолютно права. Вот бы повидаться с нею, чтобы сообщить об этом. Когда мы учились в третьем классе, она поведала нам о голодных тиграх. Никогда не узнаете, с какой прытью способны бегать, пока за вами не погонится голодный тигр. Эта мысль время от времени посещала меня с тех пор: даже если у тигра состоялась трапеза из пяти блюд и он гонится за вами на полный желудок, вы все равно будь здоров как пошевелитесь.

На прошлой неделе двое парней потребовали с меня денег. Дело было вечером на Северной кольцевой дороге[32 - Северная кольцевая дорога (ирл. An Cuarbhothar Thuaidh) – магистраль, отделяющая с севера центральную часть Дублина от периферии города.]. Еще засветло. Ничего привычного вроде «не одолжите ли пару пенсов?» Скорее вот такое: «А ну отдавай все по-быстрому, а не то очухаешься, а вокруг тебя толпа в кружок стоит». Я пошел очень быстро. Они за мной. Я ускорился. Они тоже. И вдруг я побежал со всем изяществом и ловкостью газели, которая сообразила, что ее собираются грабить тигры мисс Мур. Астму у меня как рукой сняло.

Поразительно, какие мысли мелькают в голове, когда мчишься по Северной кольцевой с двумя злодеями на хвосте. Помню, думал: «Ну никак не может быть, что это я, поскольку так быстро бегать я не умею». А затем наддал еще немножко и поймал себя на мысли: «Жалко, что секундомер с собой не взял, – никто ж не поверит». Начал сразу за церковью св. Петра, а финишировал у больницы св. Брендана[33 - Расстояние примерно в 1 км.]. Наконец стряхнув преследователей, я ощутил восхитительное ликование. Такой адреналиновый заряд обычно ощущаешь после хорошего концертного выступления. Ноги у меня все еще просили бега. «Ну же, Пат, давай до Слайго и обратно, пока мы в настроении?»

Помню, что те ребятки сказали мне, когда я им сообщил, что никаких денег им не дам. «Да ты в телике. При деньгах, значит». Не было у меня времени объяснять, что телек я бросил три года назад. Не было времени сказать: «То, что вы собираетесь со мной сделать, – это очень скверное поведение, я все расскажу вашим маманям и они на вас очень рассердятся». Тут был самый что ни есть случай «хей-хо, Серебряный»[34 - Отсылка к коронной фразе героя

американских вестернов Одинокого рейнджера: Серебряный – кличка его коня.]– сматывать удочки.

Мне больше нравятся дублинские дети, которые рассказывают, что потеряли деньги на автобус. Такое впечатление, будто они заняты исключительно этим. Когда предлагаешь им помочь с поисками, они отвечают, что проку не будет – деньги потерялись в Лиффи. Мило, разумно. И никаких голодных тигров.

* * *

За милю бросалось в глаза, что эти ребята собираются грабить банк. А местная публика ни сном ни духом. Ну в смысле, трое зловещих с виду молодчиков верхом на лошадях скачут по главной улице и музыка внезапно: «БОМ... БОМ... БОМ»...

Местная публика в старых черно-белых вестернах, похоже, никогда не смекает. Ну, допустим, БОМ-БОМов им не слышно, однако все равно кажется, что могли бы и знать. У зловещих молодчиков глаза прищурены, на молодчиках потасканные черные шляпы, и перешептываются молодчики краем рта.

Местная публика продолжает себе переходить улицу, приподнимая шляпы, здороваться с женщинами в здоровенных капорах, и хочется заорать на них: «Да ради господ же, зовите шерифа, а еще лучше – начальника полиции, если он у вас есть».

В последнем фильме, какой я смотрел, зловещие молодчики зашли в банк, и никто не замер, ничего такого. Вопиюще очевидно было, что не собираются они класть карманные денежки на счет или отправлять их мамочке. Окажись там Рой Роджерз[35 - Рой Роджерз (Леонард Фрэнклин Слай, 1911–1998) – американский актер, телеведущий и певец, «король ковбоев», снялся в десятках полнометражных фильмов и сериалов.], он бы врезал каждому в подбородок, без пыли и шуму, да и вся недолга.

Но Рой был занят в другом месте – беседовал с новорожденным жеребенком о том, как жизнь бывает иногда сурова, но все на самом деле не так плохо, если говорить только правду и приподнимать шляпу перед пожилыми дамами в здоровенных капорах.

Но банковский охранник узнал этих троих, потому что сам втихаря тоже был негодяй, хотя управляющий банком, когда нанимал охранника, про это не ведал. Охраннику полагалось смотреть в другую сторону и бездействовать. Но какая-то былая проповедь Роя об уважении к старикам, даже если они плюются жижей от жевательного табака, очевидно, очень глубоко тронула охранника. Внезапно он схватился за ружье и выстрелил в молодчиков – к их большому изумлению и досаде. Сразу стало видно, до чего оно им против шерсти, – по тому, как они попадали.

Управляющему банком, похоже, было хоть бы хны. Попросту перешагнул через три неподвижные фигуры на полу своего заведения и сказал охраннику: «Я прослежу, чтобы тебя повысили в должности и прибавили к жалованью». Местная публика выбралась из-за бочек и вновь начала переходить улицу, и жизнь на некоторое время вернулась в свое привычное русло.

Они будто вообще ни разу не улавливали и когда набегали краснокожие. Чудо вообще, что хоть кто-то из них дожил до пятидесяти.

Большой Никси тебе все отмоет

Я б никогда не стал красть кучу денег. Два с половиной миллиона фунтов займут в доме чертову прорву места. Один таксист сказал мне, что это полтонны бумаги. Куда ее складывать? Под кровать не засунешь – у меня ее нет. После стольких лет нервотрепки насчет того, что серенький волчок схватит за бочок, мне теперь гораздо спокойнее спать на матрасе прямо на полу. Это замечательно: утром просто скатываешься вбок, и схватить тебя нет никакой возможности.

Одному Богу известно, как столько денег притащить в банк. Придется одолжить тележку уличного торговца и замаскировать ее сверху бананами или «тоблеронами». Одному Богу известно и как положить столько денег на счет, не вызывая подозрений. В банке привыкли, что я забредаю к ним с мешочками мелочи, накопленной в цветочном горшке для телефонных счетов. У меня для счетов от Комиссии по электроснабжению выделен специальный цветочный горшок. Раз в неделю я кладу мелочь оттуда в мешочки для денег и несу их в банк. Как бы непринужденно ни попытался я положить два с половиной

миллиона фунтов на свой счет, уж будьте уверены, в банке тут же поймут, что эти деньги возникли не в моих цветочных горшках. Всегда, конечно, можно класть по сто тысяч фунтов за раз и очень непринужденно говорить, что у меня с поэзией просто страсть какая удачная неделя задалась. Но меня не покидают сомнения.

Выиграть в Лотерею куда надежнее, потому что там тебе не выдадут полтонны бумаги. Получишь удобный маленький чек, он помещается в карман. Сдается мне, когда мильон-другой украл, их надо отмывать. Не уверен, что отчетливо понимаю, как это, но вроде все так делают. У меня нет никаких соответствующих связей, и я не знаю, где их берут. Наверное, идешь на скачки или в бильярдную и разговариваешь с людьми уголком рта. «Псс-с-ст... Мне тут надо отмыть кое-что». И они тебя знакомят с «Большим Никси» или с кем-то с подобным же именем, и он тебе все отмывает. В газету объявлениице дать не рискнешь, как бы осторожно ни формулировал: кто-нибудь непременно догадается, что ты там замыслил. «Мужчина нуждается в отмывке полутонны бумаги. Расценки разумные». Такое с рук не сойдет ни за что.

Швейцарские банки – вещь хорошая, но не в тех случаях, когда боишься летать до смерти. Придется ехать по земле, а это не один день. Человек же, вкатывающий тележку, обложенную бананами, в судно на воздушной подушке, привлекает к себе нежелательное внимание. Лучше уж останусь при своих цветочных горшках. Их никакими «тоблеронами» маскировать не нужно.

Восторг от банков и строительных кооперативов

Идти в строительный кооператив я несколько опасался. Добил меня плакат на автобусной остановке. Здоровенная цветная фотография пяти сотрудников, они смотрели на меня с широченными улыбками на лицах. Поверху крупными буквами надпись: «Хотим с вами поговорить». Мне с таким очень трудно. Бог ты мой, вот захожу я с улицы, а тут они такие пятеро стоят и улыбаются мне – я бы сразу понял, что нужно предпринять первым делом. Проверил бы ширинку и убедился, что она застегнута. Нелегко мне дается разговаривать с людьми, которые все время улыбаются. Всегда кажется, будто им есть что скрывать. Или они знают такое, чего не знаю я, но мне не говорят.

По телевизору показывали рекламу еще одного строительного кооператива, и в ней молодая пара выходит из кабинета управляющего. Это явно самый счастливый день в их жизни. От радости они утратили дар речи. Не знаю, чем там эти двое занимались, но оно, очевидно, осчастливило их невероятно. Управляющий стоял в дверях кабинета. Лицо у него сияло такой любовью, радостью и заботой, что я смотрел на экран и ждал, когда управляющего призовут на небеса. Наверное, это они в рекламе снять не смогли, потому что управляющий тогда бы вlepился прямо в потолок. Какая-то его сотрудница в таком восторге от того, до чего все вокруг с ума посходили от радости, что совершенно ясно: ей не терпится метнуть все свои папки вверх и загарцевать по столу.

Они все заодно. Видел тут недавно рекламу супермаркета – все улыбаются, ухмыляются и оглаживают детей по головам, – и я задумался: «Батюшки, и сюда я тоже не ходок. Эти люди явно не вполне в себе». Если кто-то врожденно радушен, ему вряд ли нужно это рекламировать. Я бы заподозрил в нехорошем любого, кому неймется прислать мне свою улыбающуюся фотокарточку с надписью: «Я вам точно понравлюсь».

В прошлом месяце я наведалься в строительный кооператив и сказал, что желаю взять в долг три тысячи фунтов на издание своей книги. Девушка объяснила, что мне нужно будет произвести оценку моего дома, там полагаются пошлины, и мне их предстоит заплатить, и, отдам ей должное, она улыбалась, а вот я – нет. Подумывал резко обернуться и посмотреть, улыбаются ли мне в спину все остальные сотрудники – с любовью, радостью и обожанием. Но не стал.

Оплачиваю счета

Колесики у меня в голове, занятые вычислениями, не сцепляются и всё тут. Когда пересчитываю в магазинах сдачу, приходится очень сосредоточиваться. У продавцов есть свои методы подсчитывать деньги у вас в ладони и попутно проговаривать цифры. Такие у них выходят мантры: «И пять это двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят...» А мне хочется сказать им: «Прошу вас, бросьте считать монеты и проговаривать, потому что я понятия не имею, что вы делаете. Давайте отойдем вместе к столику с карандашом и бумажкой и просто вычтем в столбик без всяких декламаций, разговорчиков и всякого прочего».

Мне стыдно за свою математическую дислексию, и чтобы не показывать растерянности на публике, я забираю сдачу и делаю вид, будто кладу ее в карман. На самом же деле тайком продолжаю держать ее в кулаке, чтобы она не смешалась с остальными моими деньгами. Затем прячусь в дверной нише где-нибудь рядом с магазином и произвожу вычисления своим способом.

Иногда захожу в какую-нибудь контору – например, в КЭС оплатить свет, – и там больше никого, один я. В былые годы я шел напрямик к окошку и делал свои дела. Теперь же говорю в ближайшее окно: «Здрасьте... я через минутку подойду». Затем отправляюсь прочь между цветными веревками. Ухожу от того человека, который будет меня обслуживать. А затем разворачиваюсь и возвращаюсь между теми же веревками и говорю: «Здрасьте, это опять я. Батюшки, до чего ж мне понравилась эта прогулка. Нет ли у вас еще веревок, между которыми можно погулять, прежде чем мы приступим?»

Иногда делаю вид, будто я овца, которую собираются купать в антисептике. Со времен групповой терапии, в которой участвовал, я ловлю себя на навязчивых фантазиях, и купание овец – одно из моих любимейших переживаний. Вот почему я тихонько блею себе под нос, когда стою между веревками в банках или в строительных кооперативах.

В любых автобусных поездках в салоне всегда имеется красный молоточек для использования в случае аварии. Было бы здорово, если б такой молоточек предоставляли по запросу у окошек выдачи наличных. Можно применять его во всех случаях, когда не удастся выковырять монетку. Они елозят в лотке и утомляют пальцы. А можно же просто жахнуть молоточком по стойке, монетка выскочит, а ты гаркнешь такой: «Хоп!» – и ловко поймаешь монетку карманом. Гаркать «Хоп!» или нет – на ваше усмотрение.

Чеки, счета и цветочные горшки

Откуда счетам известно, что к вам по почте движется немного денег? Вечно они так со мной. Вот пообещаешь себе подарочек – сапоги, например, – по случаю оплаты пьесы для радио. Счета же прячутся в тайном месте, они там собираются и выставляют свои усики. Добрый чек они способны унюхать аж из соседнего прихода. Вдруг бросаются в пляс восторженными хороводами. «Все

внимание! У Пата завелся фунт-другой... Ну-ка ходу – приберем их!» Мой счет от КЭС точно знает, сколько денег у меня в цветочном горшке за электричество. Понятия не имею, как ему это удастся, но вот поди ж ты. Сколько б монеток ни отложил я за месяц, мой счет всегда на десять фунтов больше, чем я набрал. Приходится одалживать из горшка «Телекома». Но в ту самую минуту, когда я забираю наличку, счет за телефон прячется в кустах в переулке по соседству, шевелит усиками. «Йип-пи! Пат только что выгреб десятку из горшка. Бегом марш – и цап!»

Чеки знают, когда нужны тебе позарез. Они обитают в очередях и системах. Они очень близко общаются со счетами. Иногда сговариваются пролезть к тебе в почтовый ящик одновременно. Так они поступают исключительно в тех случаях, когда счета либо не оставляют от чеков ничего, либо оставляют тебя в минусе фунтов на двадцать.

Время от времени у чеков развивается настоящее вредительство. Им не нравится оттенок чернил на них – или кто-то расстроил их неловким словом, и им нужно выместить обиду. И тогда они сознательно вызывают у себя несварение, и «система икает». Или же их разносит вдвое и они «застревают в очередях на выписку».

По-настоящему злобные чеки способны так доконать некоторых людей, что те не в силах явиться в контору. Такие чеки способны безошибочно изолировать человека, который их подписывает, и придавить его гриппом на месяц. С наличными все было гораздо лучше. Наличные не жили в очередях и не запруживали их. Наличные не застревали в системах. Люди просто клали их в бурые конверты и выдавали вам.

На прошлой неделе я возвращался поездом с поэтических чтений в Уэст-порте. Чек лежал у меня в кармане. Я видел, как взбудораженные счета выглядывают из-за каменных изгородей у Мануллы-узловой[36 - Манулла-узловая (ирл. Mhaigh Nulla) – пассажирская станция в графстве Мэйо, открыта с 1868 г.; с 1963 г. действует исключительно как станция пересадки между Дублином и Уэстпортом.]. Они добрались ко мне домой, опередив меня. Как у них это вышло? Как им удалось обогнать поезд? Умоляю, объясните.

Деньги за варенье

В детстве мне нравилось работать на фруктовых фермах. Все было так просто. Наполняешь корзину клубникой, сдаешь ее. Человек тебе сразу вручает деньги. Никаких хлопот. Тому человеку не надо было запрашивать чек. Тебе не надо было выставлять ему счет, инвойс или еще что-нибудь. Ничего не нужно было «забивать в систему». Просто сдаешь клубнику, а человек тебе – деньги. Гениально. Когда-то было так легко разжиться заработанным. Во дни, когда люди сживали на высоких табуретах и писали паучьим почерком в конторских книгах, наличность свою ты получал в буром конверте, когда полагалось, и все были счастливы.

Когда я был помощником маляра на фабрике, производившей машины для мытья бутылок, когда трудился поденным докером, состоял в бригаде дорожных рабочих, работал торговцем уплотнителей для окон, кухонным уборщиком, эстрадным комиком и Бог знает кем еще, у меня всегда был здоровый приток наличности. А затем мы начали всё усовершенствовать. Никак не могли оставить как есть. Мы рационализировали и компьютеризировали, и вдруг ни с того ни с сего твоя наличность стала от тебя все дальше и дальше.

Впервые в моей жизни люди на том конце телефонной линии начали рассказывать мне о том, что «система икнула». Икота, как мне всегда казалось, – это высокий тоненький звук, какой возникает, если у вас дыхательные пути капризничают. Задерживаешь дыхание или пьешь стакан воды – или кто-нибудь тебя пугает, и все опять налаживается.

Унылый факт современной жизни: системы, которым полагается производить для вас наличные, подвержены непрерывной икоте, и ни черта с этим не поделаешь. Без толку подкрадываться к системе сзади и неожиданно орать «бу-у» – зря время потратите. Систему не напугаешь – и стакан воды ей тоже не подашь. Она устроена иначе.

Еще один столь же унылый факт состоит в том, что человека, выписывающего чек, вечно нет на месте. Одному Господу известно, куда они деваются и чем там, куда деваются, заняты, но складывается впечатление, что они не в силах оставаться в одной и той же точке дольше тридцати секунд подряд. Надо полагать, когда они поступают на работу в компанию на должность человека, подписывающего чеки, ему задают всего один вопрос: «Хорошо ли вы умеете все время куда-нибудь деваться?» Подумываю вернуться работать с клубникой – матерым сборщиком. По крайней мере у меня в кармане всегда будут деньги на

добрый ужин – наличными.

В старые добрые времена в конфетках водились деньги

Когда-то, глядя на мир, я был о нем лучшего мнения. О долгах совести писали чуть ли не еженедельно. Кто-то вечно отдавал долг кому-то, и в газетах появлялись маленькие объявления. «М. К. извещает в получении ?5 долга совести». Читаешь такое – и сразу забываешь про мировые войны, вторжения и всякое подобное. Задумываешься: «Вот это да... М. К. вернул себе пятерку».

Похоже, теперь уж никто никаких долгов ему больше не выплачивает.

Когда я рассказываю молодежи про жестянку «Недоплата», молодежь не верит. Если кондуктор в автобусе пропустил вас или сами забыли оплатить проезд – просто кладете деньги в банку на выходе. Молодежи интересно знать: если бы в кармане нашлась отвертка и никто б не смотрел, можно было бы стырить жестянку?

Рассказываешь им про конфетки с настоящими деньгами внутри, и у молодежи глаза загораются. Вот, другое дело. В «Счастливых сахарках»[37 - «Lucky Lumps» действительно изготавливались – судя по всему, в Лимерике, – и продавались в Ирландии в середине XX в.; представляли собой довольно крупную карамельную конфету, покрытую рыхлым красным сахарным слоем. Что интересно, монеты, которые помещали при изготовлении в отдельные конфеты, – исключительно медно-никелевые 12-гранные трехпенсовики, которые чеканили в Великобритании с 1937-го по 1970 г. Ирландские и британские монеты имели равное хождение в Ирландии вплоть до 1971 г., и поэтому «конфетными» деньгами можно было свободно расплачиваться в обеих странах.]были настоящие деньги. «Кхм, Пат, а не слишком ли мятые будут купюры, когда достанешь их из конфеты?» Нет, там были монетки. «Ну... это, наверное, здоровенная конфетища была, раз в нее фунт помещался». Нет, раскусив конфету, находишь в ней трехпенсовик – если конфета счастливая.

Тут меня просили перевести это в настоящие деньги. Это запросто. «Эм-м... если конфета счастливая, выигрываешь 1, 25 новых пенсов». Ощущаешь, как при этих словах земля медленно разверзается у тебя под ногами. Они смотрят на тебя и

размышляют, кем должен быть человек, чтобы рассасывать такие вот конфетки и складывать монеты в автобусные жестянки.

Решил не рассказывать им о Пасхальных взносах. До сих пор стараюсь о них не думать. Мы сидели в церкви, пряча голову, а священник открывал книгу записей. И принимался зачитывать долгий список имен, начинавшийся примерно с пятифунтовой отметки и тянувшийся вплоть до страниц, где были совсем уж вдовьи крохи. И сидишь ты такой, молишься: «Господи, прошу тебя, пусть наш папка не окажется среди вдов».

Когда священник добирался до фунтовых взносов, ты уже планировал сбежать из дому после чая, прихватив котомку из грязноватого носового платка на палочке, куда сложишь все свои мраморки. А потом вспоминаешь, что чуть раньше прочли: «Два фунта, десять шиллингов, анонимно», – и постановляешь: «Вот! Это наверняка был мой папка». И решаешь жить дома дальше – по крайней мере до следующей Пасхи.

Долги совести – это правильно.

Предложите мне закладную, от которой я не смогу отказаться

В школе это слово не упоминали ни разу. Папа ходил на работу. Мама – на кухне. Шон и Бригид играли в саду, а кот лежал на коврикe. Все своим чередом. Но закладную при мне никто не упоминал. У меня она завелась три года назад, и при мысли о ней у меня до сих пор ноги превращаются в мармелад.

Мы учили стихотворение про старуху-бродяжку[38 - Имеется в виду стихотворение «An Old Woman of the Roads» Патрика Колума (ирл. Padraic Colum, 1881–1972), ирландского поэта, писателя, драматурга, биографа и собирателя фольклора, одного из лидеров Ирландского литературного возрождения.]. Единственное нужно было ей в жизни – собственный домик. Она мечтала о буфете, уставленном сверкающим дельфтским фарфором. Но о процентах нам никто не рассказывал. Подозреваю, что и старухе тоже никто про них не говорил. Теперь-то уж поздно. Как бы они там ни переписывали учебники, я пропал. Жалко, не выучил что-нибудь такое: «Папка ушел на работу с песенкой на устах: “Эхма-труля-ля, взял я закладную и папки нет счастливее меня”». Мама

б тогда на кухне, может, шкряб-шряб, да шур-шур, да тоже распевала б: «Шон и Бригид во садочке, кот на коврике у нас, с выплатами успеваем. Мы веселая семья».

Полового образования нам не предлагали, но то-сё понимаешь самостоятельно. Закладные – другое дело. Сегодня утром мне домой доставили с курьером письмо из строительного кооператива. Меня пригласили перезаложить и получить большой заем. Пришлось отправиться наверх и прилечь на три часа в затемненной комнате, пока у меня в голове не перестанет колотиться. Письмо объясняло, что я тогда смогу возвести пристройку, приобрести дачу и сделать двойное остекление. Мне и буфет-то с дельфтским фарфором не нужен, вот уж спасибо. Пусть только мармелад оставит в покое мои ноги и донимает кого-нибудь еще.

К выпускным экзаменам в школе мы учили много разных стихотворений-ашлиней[39 - Ашлинь (ирл. aisling) – видение, греза; жанр ирландскоязычной поэзии, сложившийся в XVII–XVIII вв. По правилам этого жанра, поэту в видении является Ирландия в образе женщины, оплакивает судьбу страны и пророчит ее непереносимое возрождение.]. Поэт отправлялся бродить в тумане и неизбежно наткнулся на красавицу, что выплакивала себе глаза, сидя под деревом. Она рассказывала поэту, что скорбит по ушедшим сыновьям. До чего же прекрасная возможность просветить нас насчет того, каково оно – быть по уши в долгах. Не Матерью Ирландией надо было ее представлять, а объяснять, что на самом деле у нее закладная от рук отбилась. Все ее сыновья и дали деру, потому что окончательное требование по закладной чуют за милую.

Вот бабку в башмаке я понять могу[40 - Речь о старинной английской потешке для детей «There Was an Old Woman Who Lived in a Shoe» («Жила-была бабка в большом башмаке», пер. Н. Полянской), первая публикация в сборнике 1794 г.]. У этой старухи голова прикручена крепко. Сдается мне, если б мы все немножко пожили в башмаке, голова б у нас перестала идти кругом.

Что мне причитается на пятидесятилетие?

Это, мне кажется, очень важная веха в жизни. Я решил начать с Арас-на-Уахтрань[41 - Aras an Uachtaraín (ирл.) – резиденция президента Ирландии,

расположена на территории Феникс-парка в Дублине.]. Позвонил туда и объяснил, что мне в этом году исполняется пятьдесят лет. Полвека.

«Подскажите, пожалуйста, сколько я получу, когда доживу до отметки в сто лет?» Очень доброжелательный голос сообщил мне, что я получу чек в ?250 плюс личное письмо от Президента[42 - Традицию Подарка на столетие заложил первый президент Ирландии Даглас Хайд (1860–1949) в 1940 г.; ныне эта сумма составляет 2540 евро.]. «Здорово, а можно мне половину этих денег авансом в августе плюс симпатичную открыточку или записку или что-нибудь подобное?» Увы. Они с радостью отправят мне открытку, если мне очень хочется, но шиллингов у меня на счете нисколько не прибавится, ни-ни.

Следом попробовал Льготные схемы[43 - Ирландская система государственных льгот для менее социально защищенных групп граждан.]. В «Зеленых страницах» попадаются замечательные. Бесплатный газ в баллонах, электричество, аренда телефона, транспорт... всевозможные чудеса. Боже, подумал я, надо разжиться чем-нибудь эдаким. Девушка в Собесе сказала, что мне для этого должно быть шестьдесят шесть. «Да, я знаю, но что вы могли бы сделать ради меня, чтоб я протянул и дальше?... Мне всего пятьдесят». Девушка оказалась очень участливая. Сказала, что не она придумывает тут правила и если б дело было за ней, я получил бы все на свете. Я попробовал немножко поторговаться. «Ну а можно мне прямо сейчас капельку бесплатного электричества? Согласен на фен и, может, еще на пылесос в придачу, раз уж на то пошло».

Втуне. «Тогда, может, чуточку бесплатного транспорта? До Библиотеки ИЛАК[44 - ILAC (с 1981) – торговый комплекс и библиотека в самом центре Дублина (входы с Хенри-стрит, Парнелл-стрит и Мур-стрит), название происходит от «Irish Life Assurance Company» (Ирландская компания страхования жизни), компании-владелицы центра.].и обратно на автобусе, обменять книжки?» Без толку.

Последняя попытка. «Я знаю, что в шестьдесят шесть получу бесплатный доступ к черно-белому телевидению. У меня нет телевизора, поэтому можно ли выдать мне наличными – или ваучерами на копченый лосось?» Ни в какую.

Должно же быть хоть что-то, чем можно разжиться бесплатно, когда стукнет пятьдесят. Я позвонил в Банк Ирландии и взялся по новой. Все страшно учтивы, когда втолковывают, что вам вообще ничего не положено. Я все еще слишком молод, всякое по категории «Золотые годы» – пока не про меня. Для студенческих поблажек я слишком стар. Мне почти пятьдесят, я застрял невесть

где. «Может, давайте придумаем систему льгот “Серебряные годы” – для пожилых хиппи?» Человек в банке сказал, что они подумают. Я разыграл последнюю карту. «Допустим, я вернусь в колледж – в магистратуру по морской биологии и океанографии. Что-нибудь бесплатное студенческое мне положено тогда?» Человек сказал, это можно обсудить. Мне бы ваучерами на копченый лосось лучше всего.

День из жизни

10:00. Чуть ли не все, кого я вижу сегодня в городе, несут пухлые полиэтиленовые пакеты, а в них – новое одеяло. Всюду распродажи. «Распродажа к закрытию». «Распродажа перед ликвидацией». «Распродажа по банкротству». «Распродажа, потому что мы сыты по горло». Весь город спятил.

10:30. Присоединяюсь к безумию, не хочу быть тем единственным, кто едет домой без одеяла. Сказал человеку в магазине: «Можно мне двойное, на 15 тогов[45 - Тог – единица теплоизоляции, предложенная британским Институтом Шёрли для одеял, одежды и других бытовых нужд (1 тог = 0, 1 м² К/В).], будьте любезны». Табличка над этими одеялами гласила: «?12, 99». Продавец запихнул одеяло в пакет и сказал: «С вас ?13». Уж что-что, а вот это меня бесит: когда люди на полной ставке пытаются меня обобрать на сдачу в один пенни. Я показал на табличку и потребовал свое. Мне выдали чек и по ошибке пять пенсов сдачи. Ур-ра-а! Поделом вам, процветающие магазины, какие пытаются присвоить себе мой пенни.

11:00. Жизнь прекрасна, когда искренне плюешь на то, кажешься ты людям гадом или нет. За утро я подобрал на полу в магазинах три двухпенсовика, один пенни – на полу в автобусе, и пятипенсовик – на тротуаре. Если добавить к тем четырем пенсам сверху, полученным в одеяльном магазине, получается 16 пенсов. По-моему, чудесно, что столько народу стесняется подбирать мелочь. Я обеими руками за чужую стеснительность.

13:00. Стою у штаб-квартиры Национальной лотереи. Человек с Главпочтамта[46 - Главное почтовое отделение (ирл. Ard-Oifig an Phoist, с 1818) – дублинский Главпочтамт, расположен на середине О’Коннелл-стрит; это едва ли не самое знаменитое здание в Ирландии – во многом из-за того, что здесь располагалась

штаб-квартира вождей Пасхального восстания. Эту георгианскую постройку возвели в Дублине одной из последних в той архитектурной эпохе.]сказал, что не может выплатить выигрыш, поскольку мой билетик со стираемой полосой куплен в другом месте. Ни он, ни я не смогли разобрать смазанное название магазина, указанное на обороте. Билетик я получил в подарок. Человек с Главпочтамта отправил меня в штаб-квартиру.

13:05. Штаб-квартира Национальной лотереи великолепна. Нога тонет в коврах и все такое. Я надеялся, что меня проводят в специальные покои, где предложат позировать для фотоснимков со здоровенным картонным чеком в руке. Затем я бы выпил стакан оранжада, делая вид, что это шампанское. Девушка у стойки сказала бы мне, что по соображениям безопасности наличные я получить не смогу, и я радостно согласился бы на чек. Красотища какая – и с симпатичной запиской на обороте. «Уважаемый Пат Инголдзби! Поздравляем! Прилагаем чек вашего лотерейного выигрыша на сумму ?2». Два фунта... Клянусь. Мне однажды на Эр-тэ-э выдали чек на 85 пенсов, но он и близко не был таким приятным.

14:00. Я сегодня насобирал столько наличных, что на остаток дня беру отгул. Любые деньги, какие увижу на полу в автобусе, пусть себе лежат на своих местах, пока я отдыхаю, опершись на свое 15-тоговое одеяло. Доброй ночи и с Богом!

Оставайтесь на связи – и на бобах

Всегда отдаю себе отчет, что каждая минута обходится мне в целое состояние. Только что звонил брату в Канаду и воображаю этот маленький датчик, который щелкает фунтами, как счетчик в такси на быстрой перемотке. Мой племянник из Онтарио говорит: «Подожди на линии, я попробую добыть папу – он, кажется, где-то на улице». Молю его позвать маму. В трубке возникает Дэвид. Спрашиваю, который час в Канаде и как там с погодой, а про себя соображаю: все эти выяснения стоят мне бешеных денег. Всякий раз думаю, нужно говорить что-то важное, – что я выиграл миллион в Лотерею и шлю ему половину. Или что Борд Фальте[47 - An Bord Failte (ирл.) – Комиссия по гостеприимству, с 1952 г. преемница Ирландской комиссии по туризму (осн. 1939), с 2003 г. называется Failte Ireland (букв. Гостеприимство Ирландии).]только что признала его эмигрантом года и оплачивает ему и всей его семье перелет на родину и отпуск

с полным покрытием расходов.

До сих пор помню времена, когда жил в отчем доме, и родители звонили дяде Джорджу в Атланту. Мы все собирались в коридоре и ждали своей очереди поздороваться. Выпадало сказать только это, потому что звонок получался очень дорогой. Отец на полной скорости проносил трубку по кругу, и надо было проорать «Привет, дядя Джордж!» как можно быстрее, пока трубка не проскочила мимо твоего лица. Дядя Джордж на другом конце провода орал в ответ «Кто это?», но не успевал ты назваться, как «Привет, дядя Джордж» уже орал брат. Расшифровка телефонного разговора получалась такая: «Привет, дядя Джордж» – «Кто это?», пять раз. Метод международных телефонных разговоров я перенял от родителей. Они тоже интересовались, который час и какова погода. Основная незадача в том, что мы вечно не в курсе, завтракают они там, или будильник ставят, или кота выпускают на улицу. Думаю, операторы международной связи должны извещать нас до начала разговора. «Добрый день, абонент, ваш брат скорее всего уже в пижаме, потому что там, где он, уже давно время спать, – и к тому же проливной дождь».

Мой брат устраивает мне теперь игру в дядю Джорджа, только наоборот. Юные голоса орут с другой стороны Атлантического океана: «Привет, дядя Пат!» – а я сижу в Дублине-3 и ору в ответ: «Это кто?»

Изобретайте давайте уже телевизионный телефон – чтобы точно знать, кто на тебя орет.

Меж двух подушек

Я угодил в магнитное поле подушек. Ничего не мог с этим поделаться. Они лежали в коробке рядом с магазином в центре города, надписанные: «Две за ?5». «Вот это да, – подумал я. – Где ж еще такое добудешь?» В то же самое время говорил себе: «Погоди минутку. У тебя дома навалом этих чертовых подушек. Не покупай еще две». Астматики с этим делом перегибают палку. Нам кажется, если перед сном не подопрем себя подушками чуть ли не до положения стоя, мы с громадной вероятностью не доживем до бесплатного проезда.

Мой отец однажды вернулся домой из Англии с полным багажником косматых швабр. Их у него там штук двести было. И в его случае это не астма. «Давали десять по ?2, 50, – пояснил он. – Заранее ж не знаешь, когда пригодится». Мама довольно разумно поинтересовалась, что нам со всеми ними делать, на что папа ответил: «Можем раздавать тем, кто нам нравится». Почтальон получил на Рождество пять штук и сказал: «Именно этого мне всегда и хотелось», – но желваки на скулах выдали его с потрохами.

Когда я пишу здоровьем, с уцененными подушками у меня никаких трудностей. Но когда мне вусмерть уныло, они обретают надо мной власть. Стою парализованный в нерешительности и жалею, что нет у меня телефона какой-нибудь горячей линии, куда можно было бы позвонить. «Ради Бога, приезжайте и помогите мне, подушки опять одолели».

Мне доподлинно известно, что повергло меня в текущее уныние. Я твердо уверен, что какая-то из кошек моей сестры съела на прошлой неделе мой слуховой аппарат, а купить себе новый мне не по карману. Спрашивал вчера у ветеринара, едят ли коты слуховые аппараты, и ветеринар ответил, что, насколько ему известно, нет. Хотя насчет страусов не забожился бы. Сказал, что этим ребятам можно швейцарские ножики и часы скармливать, они и пером не трянут. Все равно не сомневаюсь, что это все та кошка. Я одевался и заметил, что она жует на полу мой слуховой аппарат. Я его спас и положил на трюмо. Через пять минут аппарат исчез, а у кошки сделалось отчетливо страусиное выражение лица. С котами я близко общаюсь почти всю свою жизнь и страусиное выражение лица распознаю влет. Осталось дожидаться, когда кошка начнет посвистывать, и тогда у меня на руках окажутся все необходимые улики.

Лучше буду собой

Как по мне, с этим покончено. Даже и не думаю больше об этом. Бросил постоянную работу на телевидении лет шесть назад. Это решение пошло на пользу моей голове. Живешь дальше. Делаешь что-то новое. С понятием «знаменитость» мне никогда уютно не было. Не нравилось мне и называться «телезвездой». Всегда сторонился вспышек фотоаппаратов, премьерных ночей и «красивых людей». Меня приглашали на кучу премьерных ночей, открытий и закрытий, но я предпочитал туда не ходить. Красивые люди попадают мне на

каждом шагу.

Вчера утром я сходил на Главпочтамт. Внезапно двадцать или тридцать взбудораженных школьников узнали меня. Их привезли в Дублин на экскурсию откуда-то с запада Ирландии. И вот они решили, что увидели «звезду». А я был просто я, пришел купить марку. Не более. Не менее. «Мы вас видели в Музее восковых фигур»[48 - В Дублине есть свой Музей восковых фигур, расположен в самом центре города, рядом с Парнелл-сквер, открыт в 1983 г. Фигура Пата Инголдзби там действительно есть.], – сказал мне один мальчик, и глаза у него сверкали.

А затем они загомонили все разом, у многих были при себе фотоаппараты, и все взялись меня фотографировать. Я был очень счастлив, раз они счастливы, но и растерялся из-за всего этого. Они ссылались на тот период моей жизни, который был хорош, наполнен, но теперь благополучно завершился. О телевидении я последнее время думаю, только когда люди говорят мне, что лучше б я продолжал им заниматься. Объясняю, что теперь нахожу себя в других вещах, а они всякий раз возражают: «Ну да, но как же те деньги?» Я обнаружил, что никакие деньги не компенсируют мне занятие, которое не кажется правильным. Именно из-за этого я в прошлом и срывался. Лучше буду писать хорошие стихи и питаться одними банановыми сэндвичами, чем скакать перед телекамерой сильно после того, как в этом не осталось для меня никакой потехи.

Мои стихи втягивают меня во всевозможные передряги. Люди говорят мне, что я сделался неприятным. После недавнего появления в «Кенни Живьем»[49 - «Kenny Live» (1988–1999) – телевизионная разговорная передача на Эр-тэ-э, ведущий – ветеран ирландского радио и телевидения Пат Кенни (р. 1948).]позвонила одна женщина и предложила мне вымыть рот с карболовым мылом. Отправился я домой и внимательно перелистал свои поэтические сборники. Искал «грязный стишок». Некоторые говорят, что я пишу такие стихи. Нашел стихотворения о сексе. Нашел о благородстве старости. Нашел эротические стихи. Стихи об одиночестве. Стихи обо всех составляющих человеческого тела. Но грязного не нашел ничего. Может, если крепко пораскину мозгами и очень сосредоточусь, у меня получится написать по-настоящему грязное стихотворение, но вот честно: совершенно недосуг.

Блуждающий подплечник

Правда-правда: я старательно отводил взгляд. Когда женщина поправляет на себе одежду, это очень сокровенное занятие, даже если она сидит напротив тебя в автобусе. Понимаю, что обязан был тарашиться в окно, но ее хлопоты оказались до странного завораживающими. У нее выскользнул и съехал чуть ли не до середины рукава левый подплечник. Застрял возле локтя, и смотрелось это как мышца морячка Пучеглаза[50 - Моряк Пучеглаз (Popeye the Sailor, с 1919) - герой американских комиксов, а с 1929 г. - мультфильмов. Его мускулатура гротескно раздувается после поедания консервированного шпината.]перед тем, как ему слопать шпинат. Женщина пыталась загнать подплечник вверх по рукаву так, чтобы никто вокруг не догадался, чем она занимается. Приходилось нелегко. Страшно хотелось ей посочувствовать. Хотелось сказать, что иногда у меня случается дыра в кармане джинсов и бугристый комок бумажных носовых платков уползает от меня вниз по штанине. Заманить такую штуку обратно в карман у всех на виду непросто. Хотелось сказать, что иногда вниз по штанине сбегает мелочь и обустроивает маленькую монетную колонию у меня в ботинке. Неимоверно стыдно бывает на кассе в магазине, когда оказываешься в одном ботинке, потому что нужно достать пятидесятипенсовик, застрявший под носком в другом. Больше всего на свете хотелось помочь несчастной женщине, но не знаешь, как тут вести себя. Нельзя же потыкать совершенно чужому человеку в спину и пробормотать: «Простите, мадам, от моего взгляда не укрылось, что ваш левый подплечник застрял у вашего локтя. Позвольте помочь вам вернуть его обратно вверх по рукаву». Мы пока еще не измыслили эвфемизма для съехавшего подплечника. Какой-то человек давеча уведомил меня, что на подбородке у меня сыр, и я сразу понял, о чем он толкует. Ни он меня не обидел, ни я не обиделся. А вот чуткого подхода к тому, как сказать: «У вас подплечник у локтя», - мы пока не изобрели. Может, например, прошептать нежно: «У вас йогурт по руке бежит». Над этим необходимо поработать. Когда же несчастной женщине в конце концов удалось вернуть подплечник на положенное ему место, невзгоды только начались. Тот теперь встал на попа, как центральная опора в цирковом шатре. Сколько б ни лупила его хозяйка кулаком, он всякий раз дыбился обратно. Левое плечо у нее стало теперь примерно на шесть дюймов выше правого. Нервы у меня были в ключья. Один решительный прихлоп - и я б его ей уложил, но побоялся, что меня за это высадят из автобуса. Вот вам крепкий довод в пользу липучего пластилина или суперклея.

Пшшы, бябы и пипы

Чуть не помираю от страха всякий раз, когда такое случается. Ни с того ни с сего, без всякого предупреждения автобус исторгает ужасающее «ПШШ-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш!» Сердце у меня начинает колотиться, а в кончиках пальцев возникают странные покалывающие боли. По-моему, автобусам нельзя разрешать вот эдак ПШИТЬ на людей. Когда ПШАТ киты, я не против. Они где-то посреди океана и ни у кого сердце не захолонет. Время от времени им необходимо выпускать здоровенную струю воды, и я эти их струи полностью одобряю. А если мимо кто-то плывет на веслах, китам, думаю, хватит воспитания попридержать фонтан пару секунд.

Думаю, тут дело в пневматических тормозах. Время от времени автобусу необходимо разражаться мощным «ПШ». Я все понимаю, но у некоторых из нас слабое сердце и гипертония. По-настоящему неожиданный «ПШ» способен обеспечить вам инфаркт, и что прикажете делать тогда? Я считаю, что автобусы должны сперва предупреждать – тихим «бип-бип-бип». А если не так, то пусть в центре города будет выделено специальное место, где автобусам можно припарковаться и ПШИТЬ сколько влезет.

Когда с улиц Дублина исчез Брехун, прекратились и покалывания у меня в пальцах. Он бродил по центру города и кричал людям «ТЯФ». В некоторых его ТЯФАХ была некая прекрасная неукротимость, от которой вся жизнь могла пролететь у вас перед глазами.

Помню, выписали меня из больницы на Бэггот-стрит после двух недель на кислороде, капельницах и уколах. Я чувствовал себя очень уязвимым. В такие дни автобусы на тебя не ПШАТ. Но наш красавец выскочил из аптеки и исторг громовое «ТЯФ», от которого я чуть не загремел обратно в реанимацию. Теперь-то его больше нет, но есть и кое-что куда хуже ТЯФОВ. Иногда я прохожу мимо чьей-нибудь припаркованной машины, а она, не предупредив ни словом, начинает ПИ-ПИ-ПИКАТЬ на меня.

Ни вскрыть замок на этом автомобиле, ни запихнуть картофелину ему в выхлопную трубу я не пытался, ничего такого. Я сразу же чувствую, что за себя надо стоять. Что-то во мне желает выяснить отношения с таким автомобилем – сказать ему: «Послушай-ка, приятель, давай-ка не надо на меня ПИ-ПИКАТЬ, а не то я тебе колпаки колесные на фары натяну!» И перед автобусами тоже хочу

стоять за себя: «Еще один такой ПШ – и я тебе дворники узлом завяжу!» Со всеми этими ПШАМИ, ПИПАМИ и испанскими студентами лето будет долгим и жарким.

В следующий раз поеду стопом

19:30. С тех пор как рейсовый автобус выехал из Голуэя в Дублин, прошел час. Я уже нанес урон нервной системе, от которого она, возможно, и не оправится. Безостановочная канонада дерганой, грубой поп-музыки прет из черненьких динамиков на стенах автобуса и вторгается в мой организм. Однообразный рэп высверливает мне уши и, кажется, пытается удалить мне гланды. По-моему, он добрался мне и до поджелудочной, и до аорты, и они теперь прячутся у меня в пятках.

19:45. Поклясться в этом не могу, но у меня в ушах выступают слезы. Музыка, судя по всему, загнала мне аппендикс за лобную кость, и уши заплакали. Дух мой окончательно сломлен. Если кто-нибудь остановит эту долбежку, я готов покаяться в том, что заварил Столетнюю войну, взять на себя полную ответственность за казнь Анны Болейн и сознаться в том, что это я стоял за погромом в Дрохэде[51 - Речь о взятии Дрохэды, одного из старейших ирландских городов, войсками Оливера Кромвеля 11 сентября 1649 г. и дальнейшей кровавой расправе над местными жителями.].

19:50. А теперь еще и писать хочется. Но паника недопустима. Парень, сидящий впереди, только что сходил поговорить с водителем и возвращается в хвост салона. Слава всем святым. На борту есть туалет. Удержу лицо, пусть парень вернется на свое место. Потом подожду еще минут десять и вразвалочку прогуляюсь туда же.

20:00. Спускаешься по крутой лесенке в конце салона, и там две двери. На одной надпись «Запасный выход», ее открывать не надо. А на туалетной дверце нет ручки, и дверца решительно закрыта. Пытаюсь пролезть пальцами в щель, сую большой палец в дырку, где раньше была ручка. И тут вдруг думаю... а что если там кто-то есть, а я пытаюсь открыть дверь силой? Человек может перепугаться и откусить мне палец – и винить его будет не в чем.

20:05. Какой-то молодой человек говорит мне, что в туалете вообще-то никого, но чтобы открыть его, нужен официальный ключ, а он – у водителя. Перебираюсь по проходу вперед и спрашиваю у водителя, зачем, ради всего святого, чтобы пописать, нужен ключ? «Чтобы чересчур много народу туалетом не пользовалось», – отвечает.

20:10. Ключ чрезвычайно соответствующий. Выглядит как точная копия Т-образного ключа, каким сотрудники Комиссии по водоснабжению перекрывают воду в трубах. Ротозействовать, оказавшись в туалете, не приходится – надо делать поправку на постоянную смену положения. Я в шестибалльных штормах на траулерах у Гебридов, бывало, писал куда спокойнее.

20:15. Между Тирреллзпассом[52 - Тирреллзпасс (ирл. Bealach an Tirialaigh) – георгианская деревня в графстве Уэстмит в 81 км от Дублина.]и Дублином водитель согласился выключить музыку. Захотелось отдать ему все деньги и право собственности на мой дом.

Зов бетона

13:15. Влажный бетон словно подначивал меня. Чарующий девственный бетон у автобусной остановки. Гладкий и влажный, ни щербатинки, ни изъяна. «Ну же, Пат, слабо тебе! Напиши на мне свое имя». На остановке больше никого. Никаких свидетелей. Сердце заколотилось.

13:17. Пока был маленьким, я вел себя очень прилично. Худшее, что мог себе позволить, – постучать кому-нибудь в дверь и убежать. Однажды набрался настоящей дерзости и написал мелом на дорожке: «П. И. О А. Х.» Прямо у нее перед воротами написал. А она в ответ разбила мне сердце, написав рядом: «А. Х. О Б. Р.». Никогда не нравился мне Б. Р., но после этого я его просто на дух не выносил.

13:20. Автобуса по-прежнему не видать. Может, стоит все-таки невзначай нагнуться, сделать вид, будто завязываю шнурки. А тем временем очень быстро написать «Пат», пока никого нет.

13:25. Откуда взялась эта старушка? Наверняка меня сдаст. Может, получится как-то ее втянуть? Тогда она станет сообщницей. Правильно. Попрошу ее посторожить, и если кто-то появится, пока я занят, она отвлечет внимание – подожжет свою сумку-тележку.

13:27. «Денек что надо», – говорю. Улыбается, отвечает: «Божьей милостью». Тут-то я ее и прощупал. «Денек что надо, чтоб написать свое имя на мокром бетоне».

К моему изумлению она посмотрела на бетон, подняла взгляд на меня и сказала: «Главное, чтоб не поймали».

13:29. Посоветовала мне изменить почерк, чтобы Корпорация[53 - Дублинской корпорацией (обиходно – просто Корпорацией или даже Корпо) называлась с 1661 г. по 1 января 2002 г. мэрия Дублина (ныне – Дублинский городской совет)].не смогла взять образцы его и подать на меня в суд по гипсовым отливкам и фотографиям. Зуб даю, старушке это не впервой. Она меня даже прикрыла своей тележкой, пока я, склонившись, выводил дрожащим пальцем свое имя. Невероятное ощущение. Совершенно завораживает. Так и хочется сорвать с себя ботинки и носки и плюхнуться в бетон и ногами заодно.

13:32. Меня подмывало остаться караулить, пропуская автобус за автобусом, и уйти, лишь когда бетон схватится. Старушка же возразила, что подобное поведение выдаст меня с головой. Сказала, что когда ей хочется качественной встряски, она идет в супермаркет и со всего маху швыряет банки из-под кофе в контейнер для стеклотары.

13:35. Сидим вместе в автобусе. Старушка говорит, что ее покойный муж однажды написал свое и ее имя на песке Малахайдского взморья и палкой нарисовал вокруг них сердце. А затем они смотрели, как их имена смывает приливом.

13:36. Старушка прошептала мне на ухо свои инициалы и подмигнула. Будет исполнено.

Позорище

Когда такое случается, у меня душа в пятки уходит. Вставляю билетик в проверяющий автомат, и машинка вдруг слетает с катушек. Всем достается приятный тихий «бип», и этот «бип» означает: «У этой доброй законопослушной личности как-Бог-свят-честный, свежий билетик. Побольше б таких людей в нашей стране».

Меня же удостаивают скорострельной очереди электронных оскорблений, сообщающих всему автобусу: «Вы только посмотрите на этого парня! Он миллионер, которому незачем перемещаться по городу, как обычным людям, но он все равно лезет в дублинский автобус с паленым билетом. Его и повесить-то будет мало».

Непоправимо поздно водитель произносит: «Не обращайтесь внимания. Эта машинка сегодня весь день кобенится». Он не в микрофон это говорит. Он говорит это вам тихонечко, и никто вокруг не слышит. Ущерб нанесен.

В точности так же чувствуешь себя, когда епископ в церкви на твоей конфирмации решает остановиться рядом и задать тебе всевозможные вопросы насчет учебы в школе. Тыщу лет он расспрашивает тебя обо всем на свете, а ты жалеешь, что он не выбрал кого-нибудь другого, потому что вся церковь думает, будто ты не знаешь катехизис и позоришь родителей.

Хочется попросить епископа поправить на себе митру и объявить громким голосом: «Этот вдохновенный юный христианин правильно ответил мне, что в едином Боге есть три божественные личности. А сейчас он просто рассказывает, что клубничное варенье у него в сэндвичах на обед протекает ему на тетрадки, и я считаю, что в этом нет ничего страшного». Но епископы таких объявлений не делают.

Помню здоровенную толпу на коленях перед исповедальней. Я почему зря не беспокоился, потому что всего три раза соврал и два раза не слушался. Вошел-вышел, «три Аве-Мари» да и все. Но не успел я и до первой враки добраться, как священник понял, что это с моим дядюшкой он познакомился в заморских командировках.

Ему захотелось узнать всевозможные медицинские подробности того, по-прежнему ли забиты у дядюшки Майкла носовые пазухи по утрам. Мне же

хотелось только одного: разобраться с моими двумя непослушаниями и убраться из исповедальни как можно скорее, но этого человека носовые пазухи интересовали не на шутку.

Я молился о том, чтобы над дверью снаружи высветилось: «Этот кающийся всего лишь обсуждает утреннее состояние ноздрей своего дядюшки». Возможно, сейчас такие светящиеся надписи уже разработаны. Мне это неизвестно. С моей последней исповеди прошло десять лет, девять месяцев, шесть недель, пять дней – и это не предел.

До Листоуэла по-прежнему далече

Шесть часов в автобусе – это чертовски долго. Из Дублина в Листоуэл[54 - Листоуэл (ирл. Lios Tuathail) – один из старейших городков в Ирландии, расположен в графстве Керри; здесь с 1970 г. проводится ежегодная Писательская неделя – старейший литературный фестиваль в стране.]. Уже в Бусарасе[55 - Бусарас (ирл. bus – автобус и aras – здание, с 1953) – центральная автобусная станция Дублина, ныне обслуживает междугородние рейсы компании «Бус Эрэн» (ирл. «Bus Éireann», с 1987).] меня начали преследовать родительские голоса. «Надо было сходить до того, как мы выехали из Дублина». Так я и сходил. Три раза до ветру за двадцать минут. А затем занял очередь на посадку.

Мысленно повторял и повторял мантру: «Никогда не поеду больше в Листоуэл». Первую тактическую ошибку я совершил, сев в автобус. Полез проверить, есть ли туалет на борту. Паника. Слепая неразумная паника. Ах-х-х-х-х! Как «Бус Эрэн» могла так поступить со мной?! Мне крышка.

Автобус выкатился с Бусараса в половине первого. Я пытался успокоиться. Может, у водителя слабые почки. Может, ему придется останавливаться у каждого паба на пути и бросаться внутрь. В таком случае я от него ненамного отстану. Глянул проверить его лицо в зеркале заднего вида. Не тут-то было. Человек совершенно расслаблен и беззаботен.

Десять минут в пути, а со мной пока все в порядке. Безумие. Если вот так пристально следить за собой, я лопну еще до того, как мы выедем на Насс-

роуд[56 - Насс-роуд – дорога из Дублина в городок Нейс (ирл. Nas na R?ogh)к юго-востоку от столицы, отрезок современной трассы 7 длиной в 31 км.]. Думаем о чем-нибудь другом. О чем угодно. Dominus vobiscum. Et cum spirit tu tuo[57 - «Господь с вами. И со духом твоим» (лат.) – краткий формульный распев в католическом богослужении.]. Я перебрал всю латынь, доступную мальчику-службе, какую смог припомнить. На этом продержался до Ньюбриджа[58 - Ньюбридж (ирл. Droichead Nua) – город в графстве Клэр в 40 км от Дублина.].

Ой нет. А вот и Курра. Сплошные кусты. Стараемся не смотреть на них. Поговорим-ка с соседом. «Здрасьте, меня зовут Пат, и мне не надо до ветру». Такие вещи не говорят. Интересно, как справляются все остальные в автобусе. Многие ли сидят и осмысляют школьную латынь?

Надо было ехать поездом. От Хьюстона[59 - Вокзал Хьюстон (с 1846) – одна из главных железнодорожных станций Дублина, соединяет столицу с югом, юго-западом и западом страны, названа в честь Шона Хьюстона (ирл. Sean Mac Aodha, 1891–1916), одного из казненных участников Пасхального восстания 1916 года.]до Корка я выдерживаю на всего одном заходе. Очень впечатляющий показатель. И это, между прочим, только если сижу в проходе. Если застреваю в глубине, то со мной беда еще до того, как поезд выберется за пределы графства Дублин.

В точности так же и с кино. Усадите меня в конец ряда – и я пересажу лучших. Усадите в середине – и я пропал еще до того, как всем расскажут, где в зале пожарные выходы.

Никогда не постигну, как продержался от Портлейиша до Роскре[60 - Портлейиш (ирл. Port Laoise, осн. 1557) – столица графства Лейиш. Роскре (ирл. Ros Cre) – город в графстве Типперэри. Расстояние между этими городами 48 км.]. Убийственно. Продуманно сочетал вязание ног узлом, вдохновенный самоконтроль и раздумья об «Итальянском для начинающих». Когда водитель объявил пятнадцатиминутную остановку, состоялся восхитительно сдержанный забег табуна. Никто не перешел на галоп, но автобус опустел еще до того, как водитель встал на ручник. Больше одного кофе пить не стал никто. До Листоуэла по-прежнему далече.

Пылкие прения по поводу тележки в проходе

Старуха в автобусе поставила свою тележку у всех на пути. Вклинила ее прямо посреди прохода. Затем устроилась на краю сиденья и вцепилась в нее. Автобус все еще стоял на конечной остановке. Вошел какой-то старик и уставился на тележку. Затем вперился в старуху. Очень громко заговорил с ней, протискиваясь мимо. «И как, черт бы драл, вы хотите, чтоб люди пролезали, когда тут эта штука посередине?!» «Ну, вы же пролезаете, верно?» – отозвалась она еще громче. Зря он ее тележку назвал «этой штукой», мне кажется. Подействовало так же, как на Клинта Иствуда, если бы кто-то пнул его мула в «Долларовой трилогии»[61 - «Долларовая трилогия» – три классических спагетти-вестерна итальянского режиссера Серджио Леоне с Клинтон Иствудом в главной роли: «За пригоршню долларов» («A Fistful of Dollars», 1964), «На несколько долларов больше» («For a Few Dollars More», 1965) и «Хороший, плохой, злой» («The Good, the Bad and the Ugly», 1966).]. Теперь, чтобы заставить старуху убрать тележку, понадобится десять инспекторов, не меньше. Пока они говорили друг другу то-сё очень громкими голосами, молодая женщина встала и попыталась сдвинуть тележку с дороги. Ту, похоже, набили битком бетонными блоками или чем-то подобным. Ее не только не удалось сдвинуть с места, но и сама женщина попала под опасный перекрестный огонь. В автобус тем временем вошел еще один старик. Автобус тронулся. Старик вцепился в поручни и сердито уставился на тележку. А затем выдал очень озлобленное объявление: «Эта штука мешает мне пройти». Мне стало жаль старуху. Все на ней срываются и называют ее любимую тележку «этой штукой». Будь я старухой, я бы уже извинялся вовсю и умолял меня простить. Но старуха оказалась монументальной. Скрестила руки на груди и продолжила очень громко произносить всякую дерзкую всячину. Старик категорически решил не протискиваться и остался нависать, цепляясь за поручни. Автобус мотал старика туда-сюда. Еще двое-трое стариков полоскали друг дружку кто во что горазд. Как тут не задуматься, откуда вообще взялись эти вздорные пожилые граждане. Обычно же разговаривают о том, до чего мировецкий нынче день, слава те господи. А тут разоряются насчет тележки.

Один старик встал и собрался на выход. Встал и принялся пинать тележку. Клянусь. Глаза у него сверкали, и пинал он изо всех сил. Сам я не знал, куда взгляд спрятать. Старуха заорала: «Не смей пинать мою тележку, эта штука мне в тридцать фунтов обошлась». Общественное давление явно доконало ее, раз она сама теперь назвала свою тележку «этой штукой». Старик отвесил тележке прощальный пинок и сошел на ближайшей остановке. Слава Богу, их внуки не присутствовали.

Когда владение автомобилем не возвышает

Некоторые предпочитают ездить на работу в одиночестве. Подвозить не любят. Временами это явно непросто: нередко получается так, что у тебя возле дома пара автобусных остановок. Нужно проскочить мимо них так, чтобы не увидеть никого знакомого. Вот тогда, считай, пронесло. Некоторые водители применяют прием застывшей шеи и вперяют взгляд строго вперед. Они вообще-то знают, кого именно не видят. Проверили еще на подходе. «Ой-ёй, вон и наш дружок. Если поймает меня, мне крышка». Проехав мимо автобусной очереди, поглядывают в зеркальце заднего вида. Боятся, если двое-трое людей станут показывать пальцами на его машину и костерить его на чем свет стоит. Когда тебя на таком ловят, частенько приходится менять маршрут.

Есть и такие водители, которые останавливаются, если их заметили. «Господи, чуть не проглядел ТЕБЯ, уже проскочил мимо очереди и вдруг понял, что это ТЫ». В следующий раз точно поедут другой дорогой. Но вот чего некоторые водители не понимают: очень часто здесь все наоборот. Кто-то в очереди замечает их издали и ныряет в газетку. «Ой-ёй, ты глянь, кто едет. Господи, умоляю, пусть он меня не заметит».

Когда предлагают подвезти, отказываться очень трудно. Еще труднее делается, когда водитель принимается сгребать горы газет и портфелей с переднего сиденья. «Запрыгивай. Я туда не еду, честно говоря, но высажу так близко, что, считай, там же». Если не соблюдать большую осторожность, можно очутиться в милях от нужного места. Запросто оказываешься невесть где, в раздумьях: «Как, черт бы драл, меня сюда занесло?»

Иногда они едут в точности туда же, куда и ты. «Садись, запросто довезу. Нужно только пару дел уладить попутно». Скажешь в ответ: «Спасибо-спасибо, но я лучше автобусом», – будешь выглядеть неблагодарным. Поэтому садись. В ближайшие полчаса вы побываете на автомойке, заберете две бандероли, развезете шесть пакетов и навестите дай-машину[62 - Речь о банкомате (англ. pass machine) – так их называли в Дублине на заре возникновения пунктов автоматической выдачи наличных. Первый банкомат заработал в Стиллоргане – ближайшем пригороде Дублина – 13 февраля 1980 г.]. Пойди ты пешком, оказался бы где тебе надо десять минут назад.

Иногда какой-нибудь благонамеренный автомобиль останавливается, проехав мимо автобусной очереди, распахивается дверца и водитель принимается сигналить клаксоном. Никто не знает, кому именно он гудит. Никому не хочется оказаться отвергнутым, и все, не двигаясь с места, озирают друг дружку. Кого б в результате ни подвезли, этот человек знает, что в любом случае вся очередь возненавидит его. Иногда уж лучше пешком.

Не автомобильный я человек

Не различаю я автомобили. Для меня все они выглядят одинаково. В попытке вторгнуться ко мне в бессознательное автопроизводители тратят миллионы. Роняют свои автомобили с подъемных кранов, спихивают их с головокружительно высоких скал и нанимают пышных женщин, чтоб купали машины в мыльной пене. Подъемные краны время от времени кажутся мне разными. Я даже в силах отличить одну головокружительно высокую скалу от другой. Но автомобили и те женщины похожи друг на друга так, будто отлиты из одной формы.

Вот «фольксваген-жук» я способен разглядеть за милю. Это была первая машина моего отца. Он купил ее в ту пору, когда не существовало никаких экзаменов на вождение. Просто расспрашивал соседа, как заводить и тормозить, и выкатывался на проезжую часть. Все остальное осваивал попутно. До сих пор распознаю «моррис-малый», потому что мистер О'Хара купил себе такой. Заехал к нам спросить, как заводить и тормозить, потому что у моего отца на том этапе уже было две недели стажа. А затем они оба отправились поинтересоваться у мистера Шеридана, как включать задний ход, потому что видели мистера Шеридана за этим занятием.

Все модели автомобилей казались разными по своему обличью. Индикаторы поворота выскакивали сбоку подобно желтым пальцам. Подножки устилала черная резина. Мистер Райен даже применял заводную рукоятку. Когда б ни выходил он из дому, слух разлетался, как лесной пожар. «Скорей, ребята, прячемся за изгородь. Вон мистер Райен с рукояткой!» Мы таились, сидя на корточках в полном безмолвии и наблюдали, как мистер Райен закатывает рукава. Один смешок – и твоя песенка спета. После первых нескольких дергов рукояткой мистер Райен замирал и вперял в автомобиль взгляд, полный злобы и

ненависти. Еще несколько попыток – и он напал на автомобиль, лупя его с правой ноги. Иногда, колотя, выкрикивал разное. Ни повредить корпус, ни ушибить ногу он, кажется, совсем не боялся. Пинал мистер Райен «форд-англию».

Если я когда-нибудь все же обзаведусь автомобилем, мне понадобится персонализированный дизайн. Хочу двухэтажный вариант с якорем, чтоб бросать его, если не удастся притормозить. Верхний салон предназначен для того, чтобы возить моих котов к ветеринару. Не надо, чтоб они ездили вниз и сигнали мне на плечи, когда я пытаюсь управлять автомобилем. Если не считать всего этого, угодить мне довольно просто.

В автобусе

Мне всегда нравилось оставлять приличное время на остывание. Сиденье в автобусе после того, как с него встали, еще теплое. Решительно не хочу усаживаться на тепло от попы совершенно чужого мне человека. Это нарушает мое равновесие.

Я целиком и полностью понимаю, что мне это никак не навредит. Это не ядерное излучение, ничего такого. Но все равно предпочитаю подождать. К сожалению, другие люди менее привередливы. Они перехватывают свободное место, не дожидаясь, пока пристойно остудится. Жалко, что на свободное место нельзя поставить табличку «забронировано». Чтобы знак этот гласил: «Чур мое, я просто не хочу садиться, пока оно излучает температуру тела, поэтому руки прочь».

Не нравится мне сидеть в проходе, особенно если у окошка – женщина с хозяйственными сумками. Она то и дело поправляет свои пожитки и хватается за ручки, и я напрягаюсь. С минуты на минуту. Полная готовность. Эта женщина, очевидно, собирается выйти. Затем она вновь выпускает из рук свои сумки, расслабляется на сиденье, а вслед за ней – и я. Через пару секунд она опять берется за свое, я напрягаюсь повторно, и мне не терпится сказать: «Да господи боже мой, решите уже наконец». Такие вот мелочи устраивают в голове кавардак.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Комментарии переводчика

1

«Радио и телевидение Ирландии» (ирл. Raidio Teilif?s Eireann, RTE, осн. 1960) – общественная телерадиокомпания Республики Ирландия.

2

Уильям Рори Галлахер (1948–1995) – ирландский блюз-роковый музыкант-мультиинструменталист, автор песен, продюсер.

3

О’Коннелл-стрит (ирл. Sraid U? Chonaill) – главная улица Дублина. Дэниэл О’Коннелл (1775–1847) – ирландский политический деятель, активный сторонник права католиков быть избранными в Вестминстерский парламент (такого права они не имели почти сто лет), а также отмены Акта об объединении Великобритании и Ирландии 1800 г.

4

Речь о Нив Шиле Врянах (р. 1945), члене ирландской партии лейбористов, главе ирландского Министерства образования в 1993-1994-м и 1994-1997 гг.

5

Дойль Эренн (Dail Eireann) – нижняя палата Парламента Ирландии.

6

Темпл-Бар (ирл. Barra an Teampaill) – район в центре Дублина на южном берегу реки Лиффи, место скопления историко-культурных достопримечательностей города.

7

Мост О'Коннелла (изначально мост Карлайла, с 1794) – проезжий мост через реку Лиффи, построен по проекту Джеймса Гэндона (1742-1823), спроектировавшего для Ирландии множество знаменитых сооружений.

8

Ирландские странники, скитальцы (ирл. lucht si?lta, самоназвание «пэйви») – малая этническая группа в Ирландии; странники ведут в основном кочевой образ жизни – со Средневековья и до наших дней.

9

Графтон-стрит (ирл. Sraid Grafton) – улица в центре Дублина, одна из двух главных торговых улиц города (вторая – Хенри-стрит).

10

Гарда Шихана (ирл. Garda S?ochana, «Стража правопорядка») – ирландская полиция.

11

Дейм-стрит (ирл. Sraid an Dama) – проспект в центре Дублина, здесь расположены штаб-квартиры нескольких крупных ирландских банков.

12

Паб «Рампоулз» находился в Темпл-Баре по адресу Парламент-стрит, 17, более не существует. «Parchman Farm» (1992–2002, с 2018) – дублинская блюзовая группа гитариста Пита Макгована.

13

Шон Т. О'Кяллах (Джон Томас О'Келли, 1882–1966) – ирландский политик, участник партии «Фианна Фойл», второй президент Ирландии (ирл. Uachtaran na h-Eireann) с июня 1945-го по июнь 1959 г.

14

Комиссия по электроснабжению (ESB, осн. 1927) – государственная компания электроснабжения Ирландии.

15

Имеется в виду розыгрыш государственной Национальной лотереи Ирландии (ирл. An Crannchur Naisi?nta, с 1987).

16

Глендалох (ирл. Gleann Da Loch, долина двух озер) – ледниковая долина в графстве Уиклоу, знаменитая уцелевшим монастырем VI в., основанная св. Квином; расположена в 36 км от Дублина.

17

Айрлендз-Ай (ирл. Inis Mac Neasain) – маленький необитаемый остров прямо на север от гавани Хоута под Дублином.

18

Популярный, в том числе в Ирландии, бездрожжевой хлеб (ирл. aran soide); обязательные составляющие – мука, сода, пахта (из современных продуктов подойдут кефир, йогурт или нежирная сметана).

19

Келлская книга (ирл. An Leabhar Cheanannais, ок. 800) – богато иллюстрированная рукописная книга, памятник средневекового ирландского искусства, хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине.

20

Отсылка к кинодраме американского режиссера с ирландскими корнями Джона Форда (Джон Мартин Фини, 1894–1973) о буднях валлийских шахтеров «Как зелена была моя долина» («How Green Was My Valley», 1941) по одноименному роману (1939) валлийского писателя Ричарда Луэллина (1906–1983).

21

Стор-стрит – короткая оживленная улица в центре Дублина, рядом со зданием Таможни.

22

Курра (ирл. An Currach) – плоская открытая равнина площадью почти 2000 гектаров в Ньюбридже, графство Килдэр.

23

Мелвин Хауард Торме (1925–1999) – американский музыкант, певец, композитор, актер; одна из наиболее известных его песен – «Горная зелень» («Mountain Greenery», 1956).

24

Судно Ее Величества «Королева Елизавета II» – океанский лайнер, флагман британского пароходства «Кунард Лайн» (1969–2004). В 2008 г. продан в Дубай, переоборудован под плавучую гостиницу.

25

Холихед – валлийский портовый городок на острове Холи-Айленд, важный порт связи между Великобританией и Ирландией.

26

«Рей Трисси Тревел» (1970-е – 2009) – туристическое агентство, основанное ирландским футболистом и тренером Реймондом Кристофером Патриком Трисси (1946–2015).

27

Тони Каскарино (род. 1962) – английский футболист, выступавший за сборную Ирландии.

28

Театр Аббатства (Abbey Theatre, осн. 1904) – национальный ирландский театр в Дублине; среди основателей – поэт Уильям Батлер Йейтс.

29

Bow Street Runners – так называлось первое профессиональное полицейское подразделение Лондона, созданное судьей и писателем Хенри Филдингом в 1749 г.; в подразделении изначально числилось шесть человек.

30

Марион Финукен (1950–2020) – ирландская радио- и телеведущая; программу «Crimeline» она вела с 1992-го по 2000 г.

31

«Сыр на подбородке» – дублинский эвфемизм, намек на расстегнутую ширинку.

32

Северная кольцевая дорога (ирл. An Cuarbhothar Thuaidh) – магистраль, отделяющая с севера центральную часть Дублина от периферии города.

33

Расстояние примерно в 1 км.

34

Отсылка к коронной фразе героя американских вестернов Одинокого рейнджера: Серебряный – кличка его коня.

35

Рой Роджерз (Леонард Фрэнклин Слай, 1911–1998) – американский актер, телеведущий и певец, «король ковбоев», снялся в десятках полнометражных фильмов и сериалов.

36

Манулла-узловая (ирл. Mhaigh Nulla) – пассажирская станция в графстве Мэйо, открыта с 1868 г.; с 1963 г. действует исключительно как станция пересадки между Дублином и Уэстпортом.

«Lucky Lumps» действительно изготавливались – судя по всему, в Лимерике, – и продавались в Ирландии в середине XX в.; представляли собой довольно крупную карамельную конфету, покрытую рыхлым красным сахарным слоем. Что интересно, монеты, которые помещали при изготовлении в отдельные конфеты, – исключительно медно-никелевые 12-гранные трехпенсовики, которые чеканили в Великобритании с 1937-го по 1970 г. Ирландские и британские монеты имели равное хождение в Ирландии вплоть до 1971 г., и поэтому «конфетными» деньгами можно было свободно расплачиваться в обеих странах.

Имеется в виду стихотворение «An Old Woman of the Roads» Патрика Колума (ирл. Pádraic Colum, 1881–1972), ирландского поэта, писателя, драматурга, биографа и собирателя фольклора, одного из лидеров Ирландского литературного возрождения.

Ашлинь (ирл. aisling) – видение, греза; жанр ирландскоязычной поэзии, сложившийся в XVII–XVIII вв. По правилам этого жанра, поэту в видении является Ирландия в образе женщины, оплакивает судьбу страны и пророчит ее неременное возрождение.

Речь о старинной английской потешке для детей «There Was an Old Woman Who Lived in a Shoe» («Жила-была бабка в большом башмаке», пер. Н. Полянской), первая публикация в сборнике 1794 г.

41

Aras an Uachtarain (ирл.) – резиденция президента Ирландии, расположена на территории Феникс-парка в Дублине.

42

Традицию Подарка на столетие заложил первый президент Ирландии Даглас Хайд (1860–1949) в 1940 г.; ныне эта сумма составляет 2540 евро.

43

Ирландская система государственных льгот для менее социально защищенных групп граждан.

44

ILAC (с 1981) – торговый комплекс и библиотека в самом центре Дублина (входы с Хенри-стрит, Парнелл-стрит и Мур-стрит), название происходит от «Irish Life Assurance Company» (Ирландская компания страхования жизни), компании-владелицы центра.

45

Тог – единица теплоизоляции, предложенная британским Институтом Шёрли для одеял, одежды и других бытовых нужд (1 тог = 0,1 м² К/В).

46

Главное почтовое отделение (ирл. Ard-Oifig an Phoist, с 1818) – дублинский Главпочтамт, расположен на середине О’Коннелл-стрит; это едва ли не самое знаменитое здание в Ирландии – во многом из-за того, что здесь располагалась штаб-квартира вождей Пасхального восстания. Эту георгианскую постройку возвели в Дублине одной из последних в той архитектурной эпохе.

47

An Bord Failte (ирл.) – Комиссия по гостеприимству, с 1952 г. преемница Ирландской комиссии по туризму (осн. 1939), с 2003 г. называется Failte Ireland (букв. Гостеприимство Ирландии).

48

В Дублине есть свой Музей восковых фигур, расположен в самом центре города, рядом с Парнелл-сквер, открыт в 1983 г. Фигура Пата Инголдзби там действительно есть.

49

«Kenny Live» (1988–1999) – телевизионная разговорная передача на Эр-тэ-э, ведущий – ветеран ирландского радио и телевидения Пат Кенни (р. 1948).

50

Моряк Пучеглаз (Popeye the Sailor, с 1919) – герой американских комиксов, а с 1929 г. – мультфильмов. Его мускулатура гротескно раздувается после поедания консервированного шпината.

51

Речь о взятии Дрохэды, одного из старейших ирландских городов, войсками Оливера Кромвеля 11 сентября 1649 г. и дальнейшей кровавой расправе над местными жителями.

52

Тирреллспасс (ирл. Bealach an Tirialaigh) – георгианская деревня в графстве Уэстмит в 81 км от Дублина.

53

Дублинской корпорацией (обиходно – просто Корпорацией или даже Корпо) называлась с 1661 г. по 1 января 2002 г. мэрия Дублина (ныне – Дублинский городской совет).

54

Листоуэл (ирл. Lios Tuathail) – один из старейших городков в Ирландии, расположен в графстве Керри; здесь с 1970 г. проводится ежегодная Писательская неделя – старейший литературный фестиваль в стране.

55

Бусарас (ирл. bus – автобус и aras – здание, с 1953) – центральная автобусная станция Дублина, ныне обслуживает междугородние рейсы компании «Бус Эрэн» (ирл. «Bus Eireann», с 1987).

56

Насс-роуд – дорога из Дублина в городок Нейс (ирл. Nas na R?ogh)к юго-востоку от столицы, отрезок современной трассы 7 длиной в 31 км.

57

«Господь с вами. И со духом твоим» (лат.) – краткий формульный распев в католическом богослужении.

58

Ньюбридж (ирл. Droichead Nua) – город в графстве Клэр в 40 км от Дублина.

59

Вокзал Хьюстон (с 1846) – одна из главных железнодорожных станций Дублина, соединяет столицу с югом, юго-западом и западом страны, названа в честь Шона Хьюстона (ирл. Sean Mac Aodha, 1891–1916), одного из казненных участников Пасхального восстания 1916 года.

60

Портлейиш (ирл. Port Laoise, осн. 1557) – столица графства Лейиш. Роскре (ирл. Ros Cre) – город в графстве Типперэри. Расстояние между этими городами 48 км.

61

«Долларовая трилогия» – три классических спагетти-вестерна итальянского режиссера Серджо Леоне с Клинтом Иствудом в главной роли: «За пригоршню долларов» («A Fistful of Dollars», 1964), «На несколько долларов больше» («For a Few Dollars More», 1965) и «Хороший, плохой, злой» («The Good, the Bad and the Ugly», 1966).

62

Речь о банкомате (англ. pass machine) – так их называли в Дублине на заре возникновения пунктов автоматической выдачи наличных. Первый банкомат заработал в Стиллоргане – ближайшем пригороде Дублина – 13 февраля 1980 г.

Купить: https://telnovel.me/ru/ingoldzbi_pat/osoboe-chuvstvo-sobstvennogo-irlandstva

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)